

Евгений Чебакин

Родился в станице Наурской в 1940 году. Окончил спортивный факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института, Высшие театральные курсы ГИТИСа. Работал в газетах «Комсомольское племя», «Колымская правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», сотрудничал с газетами «День» и «Завтра». Автор нескольких романов и ряда пьес, по которым поставлены спектакли в театрах Венгрии, Болгарии, Польши, Чехословакии, в Москве, Баку, Грозном и многих других городах.

КОВЧЕГ ДЛЯ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

Главы из романа

Заботливый зыбун ювеналки

Трое пришли поздно вечером под маскировочным покровом тьмы. Они предъявили предписание от региональной общины «Школьный дозор», утвержденное муниципальным суперинтендантом. По этому предписанию надлежало изъять из семьи шестнадцатилетнего школьника Ваню и передать его в приемную семью Сари Ханхинен. Причиной для исполнения предписания была жалоба соседей о жестоком обращении с ребенком – здесь издеваются и мучают его: отбирают планшет с американскими мультфильмами и истязают тренировками на дворевом катке.

...Этот крик, сверлящий сердце вопль их ребенка, будет сидеть зазубренным осколком в ее памяти до конца жизни:

– Ма-а-а... па-а-а-а... не отдавайте меня! Не хочу с ними-и-и-и!

Трое забиравших Ванечку, дергаясь от недетских рывков, продолжали тащить его к двери с каменными мордомасками. Одна из них, не закаленная такими акциями, подергивалась в тике.

– Маму-у-ля-а-а-а... спаси-и-и-и! – Это был уже не крик – визг маленького зверька, которого тащит из норы чужая клыкастая пасть.

В голове у Виолетты что-то лопнуло, хлестнуло краснотой по глазам. Белое, как мел, лицо мужа Пяйве, плоть

коего скованно дрожала в капкане виртуальных соцсетей и финского закона, – все это вдруг размылось, отпрыгнуло в небытие, в черный мушиный рой.

Попался на глаза резной квадратик выдвижного ящика в серванте. Она покрыла расстояние до него одним летучим прыжком, рванула ящик на себя и выхватила пистолет. Рывком наставила его на старшего карателя, предъявившего предписание. Нажала курок. Выныривая из хлесткого, разодравшего воздух грохота, отметила ледяным прикидом замедленную вязкость вражеской руки у второго, выдиравшего свой пистолет из кобуры.

Чуть передвинув ствол, послала еще пулю. Первый на подломившихся коленях оседал на пол с продырявленной шеей. Второй, изумленно скособочившись, тянул скрюченную ладонь к груди, из коей тычками бил красный пульсарик крови.

Третий схватил под мышки Ванечку и вздернул вверх, загораживаясь от пистолета. Пяйве наконец выломился из ступора, ринулся к сыну. Схватил родное тельце, потянул к себе. Каратель, дернувшись, не отдавал. Глядя в гипсово побелевшую морду финского живодеда, Пяйве сказал:

– Отпусти, тебя не будем убивать, только свяжем.

Оцепеневшие в судороге руки финна не разжались. Пяйве коротким крюком, в который свинцово влились ненависть со страхом, впечатал кулак в его скулу. Голова финна откинулась, он оседал, глаза закатывались. Сын выпал из ослабевшего зажима.

Пяйве перевернул на спину первого, с продырявленной шеей. Его затылок тупо стукнул о пол, плеснув брызгами из кровавой лужи. Под надбровными дугами известково светились бельма глаз. Второй лежал на животе, подогнув под него руки. Выходное отверстие от пули под левой лопаткой все еще сочилось багряной сукровицей. Третий, наглухо выключенный нокаутом, не шевелился.

Виолетта разжала пальцы. Пистолет глухо брякнул об пол. Пяйве поднялся, пошел к ней, сотрясаясь в ознобе. Приблизив обескровленное лицо, стал выпускать сквозь сцепленные челюсти короткое рванье слов:

– Что ты натворила... безумная... две жизни угробила!

– Две хищные жизни! Два паразита! Ты оглянись, что они делают с людьми, со всем человечеством! – отчаянным воплем прорвался из Виолетты протест против чужбины, отравлявшей ее русофобией столько лет.

– К черту человечество! Времени нет, спасай Ваньку! За углом на Маннергейма «Ямаха»... Вот ключ... машину из гаража не выводи... сейчас здесь будет полиция.

– Куда я с ним?! – простонала Виолетта.

– К отцу, он еще на работе. Я позвоню. Быстрей!

Она смотрела на мужа, напиваясь тоскливым ужасом. Ледяной итог свершившегося рухнул лавиной:

– Как же ты-ы-ы?!

– Раньше надо было думать! Ваньку спасай! – муж почти выкрикнул это, приблизив искаженное болью и страхом лицо.

– Прости-и-и! – она обняла Пяйве, вжалась в него, сотрясаясь в рыданиях. Отточенная заноза впивалась в сердце: что-то неправильное произошло, не так должно быть!

«Да где же ты, Ичкер, Женюра, офицер родимый, защитник и надежда наша?! Года улетели... Как не хватает тебя!»

– Скорей! Хватит нюнить! – Пяйве расцепил ее руки на шее. Виолетта разворачивалась к окну. За непроницаемой бездной стеклом, пронизывая дворовую тьму, вспыхивали, протыкали ее огни соседей, выпустивших к омбудсменам мстительную гадюку доноса – не было слаще кары, чем отъем детеныша у русской самки.

Виолетта ощущала воспаленным мозгом рубленные щелчки секунд. Ринулась к сыну:

– Идем, Ванечка. Идем, милый!

– Па-а! – сын кинулся к отцу.

Пяйве упал на колени, обнял, прижал к себе родную плоть:

– Иди с ней, сын... Держись, ты же спортсмен, мужчина... в отличие от меня. Все будет хорошо, мы скоро приедем.

Виолетту магнитом притягивало окно. Там разгорался приглушенный расстоянием гомон. Где-то далеко, в цветасто-неоновой пульсирующей утробе мегаполиса, зарождался пульсарный визг полицейской сирены.

...Они бегом завернули за угол. Темно-синяя двухколесная «Ямаха» у стены дома, сливаясь с волглой полутьмой, зазывно блеснула стеклом фары.

Квазиморда из Парижской Богоматери

Тупорылый зверь пожирал ночную трассу. КамАЗ был новый, но уже обкатанный. Столбы света сверлили тьму над пустынной лентою асфальта, триста «лошадей», впаянные в мотор, утробно рычали под подошвами дальнобойщика, наматывая на колеса по сотне километров в час. Уютно посапывал на поворотах гидроусилитель руля.

Свезло Степану Гмыре. Напарник как-то неожиданно не прошел медицинский осмотр перед рейсом. А значит, рейсовый прибавочный навар стечет в один карман – Гмырин. Само собой, тысчонку за риск завгару: запретный выпуск в рейс без напарника сулил приключения его отважному заду.

Не ведал Степан подлинной причины подобной отваги. С неделю назад просочилась в завгаровский кабинет серая личность и настоятельно посоветовала взломать каноны. То есть пускать в рейсы по одному. Более того, брать по дороге пассажиров и скачивать с них деньги. Но с условием: после рейса отправлять дальнобойщика в их контору – для приятной и ласковой беседы. С тем и растворился спецпосланник в липкой непонятности визита.

Рейс завершился и был для Гмыри пока, тьфу-тьфу, фартовым. Полторы тысячи километров от Волги до Крыма, разгрузка дизельных агрегатов, полторы тысячи – обратно. Делов всего-то на неделю – и двадцатник в кармане. Гаишники за три остановки отсосали пока две тысячи, а впереди глухая, стерильная от ментовских сосунов ночь и последние часы до дома.

Хромой, обросший дремучим власяным мохом дед с бельмом на глазу запросился в пассажиры на стоянке у Саратова.

– Тебе куда? – готовя отказ, хмуро выцедил водила. Громоздко-лысое, затертое до дыр двуногое существо, опущенное бытием до бомжового плинтуса, стояло перед ним, источая тошнотворный запах тлена и давно не мытого тела. Оно держало под мышкой ободранный, пузатый, явно со свалки получемодан-полупортфель. Широченные внизу, обтерханные до бахромы штанины напрочь закрывали обувь. Зуб на холодец, там вросли в земной прах родичи портфеля – стоптанные кроссовки с той же свалки.

Старик поднял на Гмырю бельмо глаза. Второй пиратски сверкнул из-под белесого надорванного века, как из засады. Дальнобойщик дернулся: в голове будто спицей ковырнули: «Е-о-о, мое-е-о-о... что с мозгами?! Приеду – сразу же под томограф».

Еще раз ощупал взглядом старика, зябко пожал плечами: «А, чтоб тебя... прямо Квзиморда... из какой-то богоматери».

– Из Парижской, – тускло подсказал дед.

– Чего-о? – ошарашенно озадачился Гмыря.

– Подброшишь до места? – шепеляво перешел к делу кандидат в пассажиры.

– Мы не богадельня, – вызрел в шофере окончательный отлуп, – гаишники оборзели, за пассажира обдирают до костей. Таксу нашу рисковую знаешь? Тебе куда?

– Куда и тебе, ваше превосходительство, – прогундосил старик и стукнул костяшками пальцев по региону на номерном знаке –163.

– Это ты мне? – не понял шофер «вашего превосходительства».

«Во сука... издевается, ископаемый дурик?!»

– Как вы могли такое подумать про дурика, ваше шиятельство? – опростался скорбной укоризной проситель.

Гмыря свирепел. Свирепость выдала несусветное:

– До Самары, говоришь? Готовь три тыщи, – жажнул дикой цифирью, что молотом по лбу, полагая оглушить и отпихнуть старика с его заскоками и жалкими грошами.

Бомж сунул два пальца в карман, достал красненький пятитысячник, согнул напополам и опустил деньгу в карманную щель комбинезона водителя.

Гмыря остолбенел, но быстро прикинул: два куба обрезной доски и оцинковка на крышу дачи – в кармане. О таком и не мечталось.

– Чего стоим, дедуля? – растекся уважением к приبلудному Рокфеллеру «его шиятельство». – Лезем в кабиночку, портфельчик под ноги и кайфуем часов пять. За жизнь в нашем раздолбано-двадцатом году культурно побеседуем. Отчаливаем через десять минут.

Неведомый доселе холодок опасности вползал в Гмырю: чем-то нездешним, какой-то властью не от мира сего тянуло от пассажира, как ледяным сквозняком из щелястой форточки в лютую зиму. Но грела душу красненькая бумажка в кармане – не отказываться же от такого согрева из-за опасений.

Явление черта

Трасса вползала крутым извивом в развал леса. Дремучие стволы вздымались в бездонность тьмы с обеих сторон. Свет фар выхлестывал из ночи белесую пятнистость берез, медные свечи сосен. Гмыря истекал возбуждением: вздрючивали приварок в нагрудном кармане и жуткая аура обступившего бора. Пассажир-бомж, прихватив с собой беременный портфель, то затихал, то ворочался сзади, за занавесками в спальнике, кряхтел, взмыкивал, что-то шепеляво бубнил. В свой спальник, эту священную обитель, дальнобойщики пассажиров никогда не пускали. Тем более таких. Но дед будто вырвал эту привилегию из водительского горла – не смог Гмыря отказать, более того, сам предложил. Была причина. Полез он перед этим в житейскую суть пассажира:

– Дед, а можно нескромный вопрос? Откуда такие туррики? Чем промышляешь?

Старик полез в портфель, достал флейту. Приложил к губам. Маслянисто-острый звуковой стилет вошел в сердце водилы. Флейта пронизывала насквозь, ластилась, бережливо и нежно обволакивая воспаленные уродства дальнобойного бытия: изводящую ревность к похотливой, как дворовая кошка, жене, наглый нахрап гаишников на дорогах, банды дорожных «чистильщиков», предметно знающих, что везет фура, надорванные

кишки при сменах проколотых скатов, дикая усталость и хронические недосыпы на ночных трассах. Гмыря обмякал, отпотевав душой, когда-то изгнанной из домашнего рая.

Старик спрятал дивный инструмент в портфель и окончательно закрыл нестыковку между обликом бомжа и обильной деньгой в карманах:

– Пока тепло, мотаюсь по городам, даю концерты на вокзалах, в переходах, у филармоний. Туда мне, лауреату, доступа нет. Дочь с зятем квартиру отсудили, меня на улицу выставили, в бомжи. Подают прилично... К этому еще бы ночевки помягче... на вокзалах отлежал бока... Самое паскудное – менты покоя не дают.

Водитель сглотнул комок в горле:

– Разбередил ты меня, дед... давно так не сиропился... Слышь, полезай в наш спальник, пара часов есть, покемаришь по-человечески.

Через час дед заворочался – пробудился.

Гмыря, тараща глаза, сбрасывал ярмо сонной одури. Прервал тишину ошметками баек, коими набряк лес, облапивший трассу мертвой хваткой.

– Товарищ лауреат, ты что-нибудь про этот бор слыхал?

То ли стон, то ли всхлип высочился из спальника за спиной:

– По... де... ли-ись.

«Твою дивизию... еще окочурится, бедолага, раньше времени... скорей бы город».

– Так я про эту чашу. Раньше сюда батя с маманей за грибами, ягодами снаряжались. Этого добра здесь навалом, полные багажники привозили. А лет десять назад то ли вояки, то ли эфэсбэшная спецуха в самой глубине обосновалась: колючка, стенки из шиповника, заградсистемы, следовая полоса и все такое... А года два назад

в лесу звериный дурдом образовался. Теперь в эти места никого калачом не заманишь.

– Что так?

«Вроде бы оклемался маэстро».

– Да уж маненько полегчало, поспал, – согласился дед за спиной. – Так что там за дурдом образовался?

Зябким ознобом крылась спина у дальнобойщика: шарил в его голове пассажир с какой-то нечеловеческой легкостью, как в своем холодильнике. Чуя затылком истекающее от старика излучение, продолжил:

– Дикая тварь расплодилась такая, что не дай бог в одиночку встретить. Вороны – с баклана размером, по-кошачьи орут... поросята рогатые бегают, Тимоха Зуев клянется: сам видел. А в болоте вообще жуть сатанинская. Что про это думаешь, дед?

Сзади не ответили. Сменилось молчание шипением руля на долгом, минуты на две, левом повороте, где били в глаза пучки фар от встречных фур. Поворот всосал и оттянул все внимание Гмыри.

– И сколько Тимоха в лесу на грудь принял? – густым рыком спросил кто-то справа.

Гмыря повернул голову. Шарахнулся к дверце, крутанув руль. Под ногами истошно взвещали скаты, КамАЗ повело юзом, затрясло в зубодробительной лихорадке. Пассажир перехватил, с силой вывернул руль и выровнял машину. Хозяин кабины, влипнув в дверцу, затравленно смаргивал, переваривал в полуобморочном ступоре катаклизму, от коей свернуло набекрень мозга. Рядом высился, смотрел на него цепким зраком неизвестно как проросший в кабине иссиня-бритый битюг лет пятидесяти. Над защитного цвета комбинезоном кольцевал бычью шею черный обруч свитера. Седая шевелюра над крутым лбом торчала дыбом.

– Ай-яй-яй, – озабоченно рокотнул гость, не отпуская руля, – поистрепались нервишки, Степан Изотыч. Доручился в одиночку до чертей в глазах. Ну-ка, тормозни.

– Ты... вы кто?! – выцедил сквозь горловой спазм Гмыря, сворачивая на обочину.

– Некорректный вопрос. В ваш век материализма и эмпириокритицизма, точнее век двуногих шакалов, на него не отвечают. Или отвечают, но труп, который не проболтается.

– Какому... т-трупу?! – покрылась спина водилы ледяными мурашками.

– Мертвому. Вам, Степан Изотыч, отвечу как трупу живому. Который смирился с надрывом, нищетой, ворьем и враньем вокруг себя, с хомутом на своей шее лоха-гоя. Что касается меня – я шпион.

– А где... дед? – мучительно выламывался из махрово и грозно цветущей чертовщины Гмыря, скособочив голову, пытаясь заглянуть в спальник за спиной.

– Где ему быть? Притомился старец, фортуной ушибленный, опять отключился, пребывает в объятьях Морфея.

Пассажир развернулся, раздвинул занавески перед спальником. Гмыря узрел в полутьме деда, ставшего вдруг невероятно драгоценным, сердечно уютным в своей бомжовой реальности. Старик лежал на боку, скрючив громоздкое тело, укрывшись с головой одеялом.

– А ты... вы... откуда?!

Мелкая ледяная дрожь, зародившаяся в груди, расползлась по телу дальнобойщика.

– Второй некорректный вопрос. Но продолжим исключение: я из Америки. Если суммировать два конфиденциальных мегабайта – в этой кабине нагло материализовался и морочит вам голову американский шпион, прохиндей не от мира сего.

Шофер цепенел в накатывающемся обмороке.

– Э-э, милейший, да ты совсем раскис. Глуши мотор, выключай фары, аккумулятор посадишь.

Гмыря повернул ключ. В провальной тиши потянулся к панели. Пальцы елозили по клавишам, не находя выключателя фар. Пришелец прицелился, ткнул клавишу. Столбы света перед машиной, упиравшиеся в ствольную чашобу, рухнули. В обвалившейся на машину тьме, настоящей на утробном безмолвии, возбудился ветряной посвист. Ветрило шнырял за герметичным мирком кабины, егозливо посвистывал в железных щелях КамАЗа. Планета, как обгрызаемый финансовыми крысами полутруп в космической прозекторской, корчилась в напозлающем небытие.

– Время итогов, шеф. Ваша работоспособность как водителя – ноль целых пшик десятых. Ваши дальнейшие действия логически неизбежны: тотальный отдых со всей привальной атрибутикой, – возник в сознании Гмыри голос.

Два взбесившихся желания буйствовали в голове шофера: домо-ой, где много ледяной водки... и чтобы испарился кошмар, облепивший его удушливым коконом.

– Ехать надо... до дома час остался! – простонал подопытный, вжимаясь в железную реальную и надежную дверь.

Пришелец закинул ногу на ногу, задумчиво усомнился:

– Надо ли рогатому домой? Вот вопрос всех времен и народов. Воспользуйтесь советом, Степан Изотыч, я их даю нечасто на бытовом уровне, вне чертовщины и сайентологии. Вам домой категорически не нужно.

– Надо! – уперся рогами Гмыря.

«Домо-о-ой! Водки!»

Пришелец вздохнул, вытянул губы трубочкой, засвистел арию Герцога из «Риголетто».

– Как знаете, дражайший... я предупредил. Теперь вскрываем ситуацию хирургическим скальпелем. Это больно, но целебно. Вас не ждут дома, шеф. Людмилу Марковну от мерехлюндии и одиночества утешает сосед Вася Зюкин. Утешает, в отличие от вас, напористо и мастеровито. Зачем вам убыточный мордобой по фейсу Зюкина? Вася занял у вас пять тысяч. Так не отдаст ведь, подлец, вашим мордобоем оскорбленный. Ку-ку... шеф... вы меня слышите?

Гмыря не слышал. Его глаза, налитые всклень болотным ужасом, впились в ногу гостя, заброшенную на ногу. Из-под штанины виднелось здоровенное копыто с черной шерстью над ним на лодыжке. Пришелец проследил за взглядом водилы, согласно покивал головой:

– Да-да, кошмарит с непривычки. Но, милейший Степан Изотыч, согласитесь, подобная обувь несравнимо практичнее вашей. Не изнашивается, не требует ремонта и универсальна для всяческих природных безобразий: от дождя и слякоти на земле до трескучих морозов во время прогулок в стратосфере. Но вам туда не подняться, ваш удел смирившегося – терпеть и ползать по земле. Прошу прощения, заболтал вас. Ваша дальнобойная сущность оглушительно вопиет о потребности выпить. Почему бы и нет перед сном?

Пассажир сунул руку за спину, достал бутылку беленькой, протянул ее изнывающему в грозной маете Степану.

– Вот она, радость, стерва ненаглядная. Лекарство для рабской сущности. Примите от души. И все затянет розовым туманом. Проспитесь – и домой, в абсолютном одиночестве, к заждавшейся супруге.

Гмыря глотал из горла, в глотке булькало, зубы стучали о стекло. Гость озабоченно фиксировал стремительно падающий уровень пойла. Остановил процесс на последней четверти.

– Стоп! Настоятельно советую прерваться, утром промилле зашкалит до безобразия. Вам жутко хочется спать, товарищ гой. И еще одного хочется: уйти с работы. Не болтая лишнего, исчезнуть из города и разводиться пчелок в соседней Калиновке на пару с закадычным другом Заболотным. Милейшее дело, уверяю вас, и куда более доходное, чем вертеть баранку. А теперь спать!

Отнял бутылку, завинтил пробку, положил рядом. Чугунная тяжесть неодолимо смыкала веки дальнобойщика. Он дал им волю, закрыл глаза, откинул голову на подголовник. Черный, стерильный от всяческих переживаний эфир втек и заполнил все тело. Мир съежился в булавочную головку, затем в игольное острие и исчез в бездонной тьме. Незванный гость приподнял веко соседа: он спал мертвецким сном. Пассажир раздвинул занавески спальника. Сдернул одеяло с куклы «старика», сложил в портфель бомжовую одежду, заправил постель. Затем сунул пальцы в карман Гмыри, выудил пятитысячник. Стащил с ног копыта, сунул их в портфель – там лежало еще два таких же. Дело было сделано.

Пассажир вышел из кабины в ночь. Лесная чащоба – гигантское и родное до боли чудище, где ему, оперативнику, когда-то заботливо втыкали лезвие ножа в ладони и испытательно рвали кожу шиповником, – это чудище зазывно дышало в него материнской лаской и негой.

Зона

Ичкер, оставивший водителя на трассе, знал, что зарезервировал себе «чертовым вкраплением» в кабине у водителя несколько часов. Он шел – скользил, лаская подошвами листованую прель тропы. Она была единственной,

ведущей вглубь лесного полигона, нафаршированная жесткими сторожевыми сюрпризами. Тропа была своя, надежная до боли, топтанная-перетоптанная прежде. Она бесшумно принимала, гасила в лиственной перине бесчисленность сторожких лап, копыт, людских ступней.

Прохладный, невесомый полог тьмы, ее накрывший, пронизан был грибницей приглушенных звуков. Лесной оркестр из сверчковых трелей и шорохов листвы, истомной исповеди «сплюшек» звучал нежнейшим пианиссимо. В него лишь изредка вульгарным форте: «У-ух-х!» – втыкался филин.

Все было прежним, кроме стволового обрамленья. Десятилетие назад лесные прутьики по сторонам, отчаянно, на цыпках тянувшиеся к свету и простору, взматерели. Ольховый и березовый подрост раздался в толщину. Уже не прежний хилый табунок, трепещущий в шальных ветрилах, теснился по краям – вздымалась к небу стволовая рать берез, ольхи и кленов в мужскую ногу толщиной.

В нем пробудился и кольнул протуберанец любопытства: межстволье, промежутки те же?

Отвернул борт куртки, нащупал овальный бугорок на металлической пластине, вшитой в сукно, сдавил пальцы. Чуть слышно хрустнуло. Из отворота белесой спицей вырвался луч света в мизинец толщиной, вонзился в черный прогал меж двух деревьев, уткнулся в перехлест лозин, усеянных загнутыми шипами. Ичкер щелкнул кнопкой вторично: не скис ли за дорогу его спасатель и оруженосец, надежный взломщик всех препятствий? Лазерный луч накалился плазменным сияньем. Его конец, упершийся в шипастый прут, пульсируя, застыл. Лозина, полыхнув алмазной вспышкой, дернулась, сломалась. Все правильно и все как прежде. Прогалы меж стволами непроницаемо и грозно щетинились шиповником: тропа не отпускала от себя ни зверя, ни человека.

Пронизывая крючьями шипов листву, лозина рухнула на куст. Тот вдруг всполошенно взорвался. Из-под него с прострельным треском выпорскнул зверек. Попал под дымящуюся спицу луча. Под ним тотчас полыхнул в шерсти огненный фонтанчик на боку, спаливший мясо до кости.

Истошно, по-дитячьи взверещав, метнулась малая скотинка к березовому стволу, скакнула на него. Цепляясь за кору когтями в обезумевших скачках, взлетела раненая тварь в развилину, застыла.

Ичкер отбросил луч от белого ствола, уткнул его в листовую прель. Втянул сквозь зубы воздух, дрогнул: страдание зверька вонзилось в мозг. Под слепящей спицей на тропе разгоралась листва. Ичкер затоптал огонь, нажал на кнопку в третий раз, вновь преобразуя лазер в свет. Поднял его к березовой развилке. Зверек дрожал всем тельцем, сочилась сукровица из ранки. Лупастые гляделки полыхали изумрудами, короткий куцей хвост всполошенно метался метрономом. Поблескивала слюна на двух клычках, подергивались на лопатках два лежащих уха, когтистые лапки вцепились в древесную кору. Неведомый гибрид из зайца с кошкой дрожал в смертельном ужасе.

Ичкер вбирал уродца в память. Беспокойно и гулко частило сердце: здесь поработал Гроссман вместе с Прохоровым? Состоялся симбиоз двух величайших профи, который он так тщательно готовил?

...Тропа текла за спину. Глаза, привыкнув к темноте, выхватывали из нее знакомые извивы и приметы: две березовые белоснежные близняшки, раздавшиеся в толщину, справа. Дубовая коряга тянула к человеку крюки сучьев – слева. На ней – квадратная желтушная таблица: «Стой! Запретная зона! Проход воспрещен».

Ичкер всмотрелся в тьму кустов, прошитых намертво шипованной лозой. Едва приметным сизым светлячком

мерцал в их глубине глазок сторожевого индикатора. Здесь было все на месте. Тогда – вперед, к «таможне». Он сделал несколько шагов, сжимая расстояние до дуба. В его огромном, в два обхвата, тулове зиял овал дупла.

Ичкер, готовясь, напружинив торс, переступил контрольную границу. Но, даже приготовленный, едва успел пригнуться: из черноты дупла с визгливым воплем «Кр-р-ряз-з-зь!» метнулась черная крылатая химера. Матерый крючконосый филин просвистел над головой, слегка задев удушливой струей паралитического газа. Свершив разбойный выпад, механокукла ринулась обратно, спружинив, исчезла в логовище.

Упавший на тропу двуногий, посвященный, чихнул и усмехнулся. Представил ситуацию с приبلудным чужаком: удар в лицо когтями и вброс удушливого газа в ноздри. Нахальный любознатец, проигнорировав запретную таблицу, истерзанный соплями, кашлем, рвотой, уже не сунется сюда вторично. Тех, кто осмелится на продвижение дальше, ждала стрела из арбалета, затем пули. И, наконец, трясиное болото, куда уткнется и где утонет тропа.

Ичкер вернулся. Все выходящие из Зоны имели пульт, которым выключали индикатор. После чего «свой» проходил без приключений, без обстрелов.

Нынешний двуногий такого пульта не имел. Сел на тропу, чихнул еще раз. Засмеялся. Система примитивна, устарела, из прошлого столетия, но все еще работала. С разнеженным, глубинным наслаждением Ичкер втянул в себя, отсмаковал озоновый нектар Отеческого бора. Он наконец был дома – пока в его прихожке. В сам дом непрошенных двуногих не пускали.

Что ж, надо стать четвероногим. Он вытащил из портфеля четыре трубчатых копыта. Приладил их к рукам, ногам. И двинулся размеренным лосиным шагом по тропе. Бесстрастный примитивный глаз «считалки»-индикато-

ра, пересчитав квартетность ног, столь же бесстрастно пропустил его, оставив без оповещения в своих гнездах и бандитофилина, и арбалетную стрелу, и пули автомата.

Жабо-SAPIENS

Тропа, блистая алмазной россыпью предутренней росы, уткнулась в ядовито-зеленую болотную щетину. Бесследно утонула в ней. Ичкер поднялся с четверенок, встал на ноги, стянул с конечностей копыта, которые помогли пройти лазерный контроль перед тропой. Срезал лозину. Отмерил три шага вправо от тропы. Ткнул палкой в трясинную жижу и ощутил под ней твердь дюралевого настила. И здесь все осталось прежним. Ступил на твердь, пошел по ней, утопая в ряске по щиколотки. Луч фонаря выхватывал из волглой тьмы ориентиры – уродливость разлапистых коряг, семейство высохших осин.

Метрах в пяти в ночи нечто глубинно, тяжело чавкнуло, зашлепало навстречу. Ичкер метнулся пальцами к пластине на груди, нащупал кнопку, готовясь преобразовать фонарный луч в нещадность лазерной шпаги. В крови вскипал адреналин: неведомая плоть источала явно осязаемую эманацию разума. Нащупал фонарем источник звука, взгляделся, фиксируя в болотном разливе некое исчадье из трясины.

Облитая лучом, задышливо хрипя, цепляясь брюхом за коряги, к нему ползла пятнистая кикимора размером с бультерьера. На жабьей морде пучились, горели красной три глаза, торчали из губастой пасти два клыка. Свальявшаяся шерсть вперемешку с гроздьями пиявок свисала клочьями с хребта. Жабособака приближалась, выхрипывая дикоречевую мешанину. В ней все разборчивее креп смысловой стержень:

– Х-р-рто-о-оя... хте-е-е-я-я...

Кикимора нащупала настил под ряской. С тяжеловесной грацией взгромоздилась на него. Застыла в трех шагах перед Ичкером. Фонарный луч бил ей в глаза. И круглые черные зрачки в них лениво сузились в три вертикальные щели. Под жабьей мордой свисали с зобастой шеи пять пиявок. Перед мордой всполошенно плясала в фонарном луче стайка потревоженных стрекоз. Из рта гибридного мутанта выстрелил белесый трубчатый язык, ухватисто поймал липучим кончиком крылатое тельце стрекозы и вместе с ней, свернувшись, втянулся в красный хищный зев. Из ряски вывернулась гибкая спираль ужа, метнулась вверх овальной головкой и с хрустом оторвала пиявку от шеи. Заглатывая черный хвостик, змея шлепнулась в воду, плеснув ряской, и исчезла. Мутанта передернуло, зоб жабосуки часто заколыхался.

– При встрече полагается приветствовать друг друга! – Ичкер присел на корточки. – Рад видеть вас, красотка. Ну здравствуй. Гутен таг. Хелоу. Салам алейкум. Svaagata M Kar¹.

– Др-р-расту-у-у... ху-у-т-т-тен-та-а-ах, – пронизанное человеческой речью, содрогнулось всем телом зоосущество, выживая из памяти заложенные туда приветствия.

– Предпочитаешь русский и немецкий. Ну умница, ну полиглотка! Благодарю за весть, ты подтвердила окончательно: здесь куролесили Гроссман с Прохоровым, твои творцы, наместники Бога на земле! Спасибо, лапочка, иль данке шен.

– Паси-и-и-по-о-о... танке ше-е-о-о-он! – переступила лапами, подняла тулово над ряской ночная собеседница. Общение с новым богом, облившим ее светом, дарило неизведанный доныне восторг.

---

¹ «Приветствую твое появление» (санскрит).

– В тебе рефлексy говорящего попугая или зачатки разума? Разума какого: хищного или сострадательного? Не понимаешь? Ты жабо-sapiens или попугай болотный? Чего ты хочешь?

– Хоче-е-еш-ш-ш... хочу-у-у... хочу-у-у хр-р-то-я-а-а-а... хде-е-е-я-я-а-а?

– Что-что? Еще раз.

– Хр-р-р-т-о-о-о я-я-я-а-а-а... хде-е-е-я-я-а-а-а, хр-то-о-я-я-а... хде-е-е-я-я-а-а? – сжигало неистовое возбуждение первобытный разум, он требовал ответа: кто он, вдруг осознавший сам себя? Где он? И почему один? Зачем вокруг зеленая трясина, бесчисленная хищность присосок, болезненно впивающихся в кожу? И кто эти проворные жгуты, которые выпрыгивают из воды и отдирают их?

Ичкер с пронизывающей легкостью вошел под жабий череп. И сострадательно ощутил неистовое трепыханье мысли. От необъятного могущества Вселенной, от главного вселенского пульсара – Разума – бесцеремонно оторвали малую частицу и заточили в костяную клетку, где по-хозяйски нагло верховодили рефлексy и инстинкты. Теперь этот детеныш истерзан среди них, он обозлен и рвется к материнской сути ноосферы. Ему здесь, в клетке, страшно, одиноко.

Ичкер поднялся, возвысился пришельцем-богом, дарующим блага.

– Итак, кто ты и где ты. Вопрос вопросов для Субъекта с большой буквы. Так ты субъект или объект? Решать тебе самой. Ты здесь хозяйка. Вокруг твои владенья. Здесь твой дом, – сказал он, вмяная истину в податливый и воспаленно-первобытный разум, созданный дойч-творцом. – Ты поняла меня?

– Йа-йа! – смотрела на бога жабо-sapiens тремя глазами щелями. Их буйно раздвигал экстаз.

– «Я-я» – «да-да» по-русски?

– Йа-йа... хос-с-сяйка-а-а... их би-ин ха-аус-фра-а-ау!
Здь-е-сь мой то-о-ом... дас ист маин ха-а-аусс!

– Зер гут, очаровашка. Мы подтверждаем нашей милостью: ты здесь хозяйка дома. И в доме надо наводить порядок, орднунг: кошмарно расплодились пиявки-паразиты. Это кайн орднунг. Вы, немцы, любите порядок наводить?

– Йа-я! Майн хаус-с-с должен имеет-ть ор-ртнунх! – раздула зоб в неистовом восторге тварь, все лучше понимая бога, дарующего ей владения для наведения порядка.

– Ну вот и ладно. Порядок нужен и немцам, и нам, русским, в своем болоте более всех. Мы заболтались. Мне пора. До встречи, ауфидерзейн, прелестное создание.

– Найн, хер-р! Най-и-ин... Нато-о-о х-хovorить! Много-о-о хovorить... хово-ри-и-и со мной-й! Шнель! – поднялась на дыбы, сжала лапы по бокам в твердеющем протесте жабособака с первобытным разумом.

– Я же сказал: нет времени, – уходил Ичкер. На пол оборота повернул голову: стальные ноты в голосе мутанта – это что-то новое.

– Ихь би-и-н хаус-с-сфрау... здесь мой до-ом! Над-то выполнять прик-хас!

– Кикимора, мне не до трепа. Счастливо оставаться, наводить тут порядок и телом не хиять!

– Те-телом не хия-я-а-а-ть... Торщ-щать, хак палька ху хру-си-на...

– Что?! – он остановился, обернулся. – «Не бздеть! И телом не хиять! Торчать, как палка у грузина?» Ты выдала вот этот опус?

– Не б-б-з-з-е-еть... тор-щ-щ-щать, хак палька ху хру-зи-и-ина!

– Ну что ты будешь делать! В геномно-инженерные процессы и в речевое обучение к Гроссману по-хулигански втерся генерал. Учту. Пока, чучундра.

Он обогнул болотное исчадье. Расплескивая ряску, куроча и сшибая зелено-листяные блины, заскользил к суше, встававшей впереди черной стволовой чащей.

– Хальт! – скрежещущий шмоток приказа ткнулся в спину. – Ихь би-ин хос-с-сяйка! Прикхас-сы-ваю х-х-ховорить со мной!

Тяжелые шлепки за спиной приближались. Человек развернулся. К нему скакало, оскалившись, клыкастое чудище. Перед прыжком, разинув пасть, сложилось, напряжилось, толкнулось о настил. Ичкер, отпрянув в сторону, поддел ногой под брюхо летящий мимо кожаный мешок. Мутант перевернулся, шлепнулся на спину в ряску, обдав фонтаном зеленой жижи. Задергался в неистовых попытках встать на лапы.

Ичкер в брезгливом удивлении смотрел: барахталось мутантное изделие с рудиментарным мозгом, именуемое в системах рабства «фашио». Цепь трансформаций «приказ – отказ – агрессия» в таком мозгу единообразна и стара как мир: при нарушении (неисполнении приказа) в «орднунге» одно возмездье – смерть. Сплюнул, зашагал к суше.

Луч фонаря выхватывал из мрака кипенно-белое мерцанье болотных лилий. За спиной слабело, удалялось озлобленно-хрипатое бессилье:

– Хальт, щелове-ек... я хос-с-сяйка... прикас-с-сываю хо-во-ри-и-ить!

Индарий

Тончайшая серебряная нить, невидимая для непосвященных, сочилась из вершины бугра, из каменных булыг, из желтой жухлости травы. Взмывала в стратосферу, к Духу, соединяя его с подземным телом. Слепяще снеж-

ный Дух Индария сосредотачивался в стратосфере, готовясь к инкарнации. Решение было принято среди сородичей Перунова синклита: Индарию, застывшему в соматическом тысячелетии назад, надлежало прервать его, Духу – вернуться в тело, в планетарность бытия. Прервавшему соматическому предстояло вмешаться в явь потомков индоариев.

Там, в яви, надвигался коллапс.

Дух уплотнялся в шаровую жесткость перед возвратом, обретал атомарную наноструктуру. Когда процесс закончился, заскользил из стратосферы вниз, в индиговую животворность атмосферы, к своей конечной цели – к громаде рукотворного холма Алан-Батыр.

***

Холм близ башкирского поселка Бурзян вздымался над землей на полусотню метров. Он выпирал из центра голого, без леса, круга, который обступала дремучая тайга.

Побывавший здесь Вольф Мессинг, излазив склоны, просканировал своим «сонаром» внутренность холма и доложил хозяину Кремля, что внутренность его – могла великана, вождя праариев, которому тысячелетия. Но он непостижимо и необъяснимо сохранился в первозданном виде, как сохраняются в закрытых саркофагах впавшие в соматический тибетские ламы. После Мессинга здесь побывала Джуна и подтвердила его вывод.

... Внутри холма, под каменной аркой из отшлифованных с недостижимой ныне точностью брусков, где веками сохранялась неизменная температура (плюс два), сидела громада шестиметровой высоты. Клубки гигантских грудных мышц у исполина спрессованно покоились заледневшими буграми. Под ними на века застыло сердце. Вся эта глыба, мертвенно впрессованная в соматический, неизменно сидела в позе лотоса. Обтянутый пергаментной зеленоватой кожей череп с закрытыми глазами, со ско-

шенным высоким лбищем был голым и отблескивал в кромешной тьме фосфоресцирующим свеченьем. Оно, единственное во всей плоти, пульсировало эманацией излучения Кундалини – нетленной энергетикой, чьей сущностью были телекинез, телепортация и левитация.

...Дух вынырнул из облака и сквозь вечернюю киноварь заката соскользнул в холм, к сидящему Индарияю. Прильнул к фосфоресцирующей коже темени, проник сквозь черепную кость и растворился в полушариях.

Торс великана содрогнулся. Вверх поползла чугунная заиндевелость век. Освобожденные от шор глазницы едва приметно накалялись голубым свечением. Дух, ожививший плоть, попутно возрождал и разум. Тело – давно ненужная никчемность для Индария – здесь, в земной юдоли, становилось рычагом, орудием для действий. Оно было тяжкою обузой, подвластной возросшей за века гравитации, досадно отвлекало на себя энергию: его нужно было подпитывать калориями, с ним приходилось преодолевать земную тягу и защищать его от атмосферных буйств. Медленно, с натугой заворочался в вязкой сукровице сердечный клапан. Сердце содрогнулось и сжалось, толкнуло в артерии кровь. Оттаивали, отеплялись мышцы, уже способные воспринимать приказы мозга. Заиндевелость инея на коже таяла, и росяные капли щекочуще сползали вниз.

Индарий шевельнул дубово-жесткими плечами. С натужным хрустом приподнялась и качнулась голова.

Тысячелетья почти не изменили его склеп. Все так же нависал над головой булыжный свод из отшлифованных брусков. Два эвкалиптовых столба, пропитанных смолой мумие, надежно подпирали сводчатый потолок. Был лишь один изъян: под бедрами и ягодицами истлели шкуры мамонтов, спрессованные тяжестью гиганта. Их шерсть бугрилась волглыми комками.

Индарий осознал себя, свою земную сущность и миссию, возложенную на него Перуновым синклитом эгрегоров. Дух, возвратившись в тело, преобразовал мозг в мощнейший и всевидящий радар. И на его экране сформировалось необъятное панно происходящего в Гардарике-Руси, перевалившей в XXI столетие. Панно соткали миллионы фресок событийности. Кипенье судеб и страстей, отчаянье и нищета, бесстыдность заживревшей спеси, неутолимая жадность правителей, спекулятивный шабаш англосаксонских финансистов, их живоглотная зависть к богатствам недр Руси, безмерная терпимость и застенчивое дружелюбие оскопленного двумя мировыми войнами славянства с паразитарной олигархической плесенью на его теле, неистовые сражения за места под долларovým «солнцем» – вся эта вакханалия бурлила, пучилась в преддверии распада.

Индарий осознал катастрофичность надвигающихся событий: почти все то же было в его империи перед возмездием Перуна – Потопом. И вот он здесь, среди потомков, в Чертоге Волка, сменяющем Чертог Лисы, с попыткой предотвратить очередной апокалипсис, который накалялся кровавым гноем войны на Украине. Пора исполнить свою миссию.

***

Тахир Галязов, коренной бурзянец, разжег костерок на маленькой прогалине тайги, на краю пустого «Круга вечного покоя» с холмом Алан-Батыра. Туда старались не соваться геологи, охотники и жители Бурзяна. В центре его в полусотне метров вздымался этот холм, буйно подернутый весенней зеленью.

Костерок уютно и блескуче полыхал, почти невидимый в спящей киновари заката, и делал свое дело: поджаривал на вертеле весеннего, отощалого за зиму

зайца, подстреленного час назад, источающего сумасшедший запах. «Круг вечного покоя», не зараставший за века тайгой, покрыт был зелено-бурою травяной куделью. Пластаясь от самых ног охотника, он окольцовывал громаду холма, чья история набрякла диковинными байками, набором опасливых примет, налетами московских экспедиций и ученых-исследователей.

Сургучного окраса гладкий сеттер, лежавший у ног Тахира, поднял голову с лап и глухо зарычал. Хозяин пса всмотрелся в таежное межстволье – там было пусто, вечерний бор источал покой и безмятежность. Погладил собаку:

– Чего ворчишь? Лежи, однако, кушать будем: тебе четыре лапы с требухой, мне...

Пес остервенело визгнул, вскочил, попятился к костру, прижался к ногам хозяина. Тряслось, вибрировало тело крупной дрожью, хвост спрятался меж задних лап.

– Акбарс, ты что?! – дернулся Тахир, развернулся в сторону, куда нацелилась морда пса, вскочил с трехногой легонькой складной плетенки, которую всегда брал на охоту, выстонал сквозь перехваченное горло: – Ва-а-ай... Алла-а-а-а... бисмилла илля рахма-а-ан!

Вершина холма вспучивалась, змеилась трещинами и распадалась на черно-желтое рванье из земляных и каменных булыг. Все это месиво отслаивалось от вершины, с глухим и отдаленным рокотом сливалось в несколько лавин, скакавших с ускорением по склонам. Над развороченной вершиной, над каменно-земляным хаосом вошло и утвердилось отполированное полушарие. Застыв на несколько мгновений, оно двинулось ввысь и стало лысым черепом с глазами, носом, ртом на жилистой, дубово-стволовой шее. Под нею обозначилась, поползла вверх глыбистая необхватность плеч, облепленная камнями, землей и глиной. Плечи встряхнулись, осыпав кро-

шево. Затем вся плоть гиганта тягуче, вязко стала подниматься и утвердилась в кроваво-ослепительном закате могучим торсом, сравнявшись головой с вершинами столетних сосен, кольцевавших «Круг вечного покоя».

Гигант едва приметно разворачивался головой к светящемуся костерку Тахира на краю тайги. Когда блестящий лысый череп повернулся, в охотника уперся, ошпарив, каленый и упругий взгляд, хлестнувший плоть человечка материально-осязаемым прикосновеньем... и отшвырнул его в межстволье, в спасительную древесную чащобу.

...Тахир, проламываясь сквозь лесной подрост, мчал безоглядно, прикрыв лицо исхлестанными, исцарапанными в кровь руками. Акбарс, визгливо завывая, держался в бешеном галопе у ног хозяина. В мозгу охотника углями тлела суть увиденного: «Алан-Батыр восстал из мертвых!»

ВИЗИТ ИЗ ТЬМЫ

Перед самой полночью владелец, гендиректор популярной корпорации «Тугут» Косенок написал последний знак в формуле, закрыл скобку и поставил точку. Она венчала многолетний адский труд.

Шестьсот шестьдесят листов исписанной бумаги, в которых покоились почти двадцать лет его работы, начатой после Плехановки, работы, которая настырно, оголтело втискивалась в его быт и бизнес, – эти листы находились перед ним, уложенные в папку.

Захлопнув ее, он посмотрел в залепленное снегом окно. За стеклами пуржила, бесновалась вьюга. Над всем: над ним самим, над распахнувшимся до горизонта поселком Черский – нависла грузной, неизмеримой тяжестью его продуманная формула.

В ней спрессовалось человечество с его блошиной суетой и вековечной жадностью к комфорту, с его утробным интересом «А сколько это будет стоить?», с жалкими страстями вокруг семьи, детей, работы.

Оно, все это человечество, безмерно расплзаясь, затопляя континенты, бурлило в примитивном неуправляемом хаосе. Всей этой расплодившейся бесчисленно биомассе, которая сжирала мегатонны продовольствия, переварив их, гадила и засоряла земные среды, – всей этой массе необходимо было тотальное сокращение, чтобы затем загнать урезанное пандемиями до предела стадо двуногих homo в железную клетку чипизированного порядка и контроля, где стоимость и цену каждого бесстрастно, безошибочно определит его формула: а сколько стоит этот или тот со всеми потрохами? И сколько стоит вещь, произведенная любым из них, в единой, спущенной для всех валюте?

Здесь началось необъяснимое.

Вплетаясь в эту схватку, в вой пурги, неожиданно, дико возник, стал приближаться рев мощного мотора. Аэросани в этой сумасшедшей круговерти, в полночь?! Какого черта?! Кто этот недоумок?

Косенок шагнул к окну и отодвинул штору. Вгляделся с высоты третьего этажа в чернильный мрак, где гас и вспыхивал фонарь.

Во мгlistый, судорожный перепляс тьмы и света втекла массивная, зализанно-багряная туша аэросаней. Остановилась. В боку болида возникла и расширилась овалом черная дыра. Из этого овала шагнула в остервенелость полуночи запакованная в кукашку¹ фигура незваного гостя с кейсом. Скользнула ко входной двери в подъезд.

---

¹ Верхняя меховая одежда в Якутии.

«Болван... сейчас напорется на отлуп охранника», – возникло опасение у Косенка: его не оповещал о каком-либо визите ни один из филиалов, разбросанных в низовьях Колымы, Индигирки, Лены, размашистой Сибири, – тем более столь диком, полуночном. Сейчас охранник затрезвонит.

Но телефон с мобильником молчали.

Ворвался, взрезал тишину звонок входной двери.

«Охранник запустил ночного шатуна за ограждение – решетку?.. Уволью раздолбая!»

Он подошел к двери, открыл внутреннюю, из окованной жестью лиственницы, и заглянул в глазок второй – стальной, с английским цифровым замком. В глаза бросилось и впаялось в зрительную память забранное в меховой овал капюшона узкое лицо. Под полудугами взлохмаченных бровей мерцали хладной синевой глаза с двумя провалами черных вертикальных, как у сиамского кота, зрачков. Из них струилась и пронизывала власть.

– Кто? – спросил сипло Косенок: необъяснимость ситуации нарастала, припекала.

– Ми так и будем говорить за вашу формулу через железо? – с картавой, бархатной учтивостью спросил стоящий в меховой кукашке. Щели-зрачки в глазах пульсировали, расширялись. Нещадное тепло подъезда расплавило заиндевелость капюшона у вошедшего, растаявшие капли на нем отсверкивали россыпью алмазов.

«Он знает... он сказал про формулу! Откуда, от кого?!» – замкнуло что-то у Косенка под черепом, копируя фонарь в его дворе. После чего его рука с суетной, торопливой автономностью поднялась, повернула ключ в стальной двери.

Вошедший с небольшим квадратным кейсом гость снял кукашку с капюшоном, оставшись в черном кителе с красною отделкой. Повесил массивную шерстяную

одежду на вешалку. Неторопливо, молча, подволакивая ноги в меховых унтах, направился в гостиную. Сел в кресло, поставив рядом кейс. Поднял глаза на Косенка, стоящего в оцепенелости напротив. Сказал с придурочной одесской, местечковой фамильярностью:

– Ви, сотворивший формулу, ничего не хотите спгосить? – втек в Косенка масляно-бархатный вопрос пришельца, губы которого остались безмятежно сомкнутыми.

– Как называть вас?

– Херр Косенку полезней знать другое: зачем я, Люций фон Левитус, здесь.

– Вы знаете про формулу. Откуда? Кто вас послал ко мне? – упрямо обретало былую твердость сталистое «я» хозяина.

– Ви так настойчивы, Кузьмич, шо нету сил вам отказать, – с шутовским местечковым снисхождением поддался, уступил напору, Люций. – Меня послали давосские мозговики. Короче и точнее для профанов – GOOD KLAB. Или «Римский клуб». Или биг-фарма при иллюминатах – как вам удобней. От имени Владыки.

– И кто этот Владыка? – все более твердел и лез в суть полуночного визита Косенок.

– Мы никогда не называем гоям его имени. За каждый наглый лишний раз язык может отсохнуть. Но вам это сейчас дозволено. Я назову его... – твердел, заметно напрягаясь, гость. – **An'aarada m nom.pr. / nagaadhiraaja / tiir a / tulya/ nR^ip ati m /...** – сгибаясь, выцедил гортанно-хладную свинцовость санскритских слов сквозь сдавленное горло визитер. Закончил, хватая воздух пересохшим ртом.

– Перевести на наш, на русский, можно? – спросил Косенок.

– На ваш, на гусский? Я бы не стал теперь приклеивать херр Косенка к таким замызганным изгоям на пла-

нете, как укро-руссы. Которых жизненно необходимо сравнить между собой. На их говенной мове и кириллице мной сказанное означает «посредник между Создателем и людьми, владыка гор, равнин, морей и повелитель всех двуногих». Для Посвященных – ВАРНОМЕТ! – подернулось благоговейным тиком лицо у гостя. – На этом – ша. Ми будем называть его Владыка. От его имени я послан.

– Зачем?

– Ви таки задали пгавильный вопрос. Ми добгались до самой сути. Зачем? За этим.

Гость сунул руку в щель кителя, в провальную полосу черноты с багровой окантовкой, достал оттуда округлый слиток бронзы, бугрившийся желтыми кружевными завитками. В плоть завитков был впаян блестящий холодной огненной искрой алмазов шестигранник.

– Я должен был доставить это вам – Пантакль, – сказал внезапно жестко перевоплотившийся в диктатора, уже без местечково-шутовской картавости, пришелец и продолжил: – Алмазов здесь – на сорок семь каратов от корпорации «Де-Бирс». Для вас трамплинный второй уровень, с которого вы сможете запрыгнуть в третий. И если мы все сделаем так, как надо, я удалюсь. А здесь останется Herr-Mister-Sir-Monsieur-Don Косенок, допущенный к трамплину, чтобы прыгнуть.

– И в чем отличие тех уровней?

– Вы, сотворивший формулу, имеете сейчас имуществом мелочевку – пятнадцать филиалов комбината в Заполярье и Сибири: пошив одежды, изготовление сетей, нарт и капканов, гостиницы и магазинчики, кафе. И прочую дрянь-мизер. Все общей стоимостью по вашей формуле – какие-то сто пятьдесят восемь миллионов российских деревянных.

«Для него все это мизер?» – ударило по сути Косенка, и она взвыла, та самая суть, то бытие, которое куса-

лось, извивалось, рвало котями и клыками конкурентов, бизнес-дельцов в законе, хребтом, хвостом виляло перед полицаями, скупало, смазывало покровительство ментов и мэров, обретало крышу следаков и прокуроров в вибрирующих фейком тендерах.

«И для тебя все это мизер?!»

– Не для меня. Для вас, дон Косенок. Для вас, которого ждет третий уровень, – с ухмылкой считал растерянное возмущение с мозгов хозяина пришелец.

– И что в нем, в третьем?

– В нем инвестиции и совладение в мегакорпорациях. Соуправление аптечной сетью от биг-фармы в Заполярье. На сотни миллионов евро, долларов и шекелей. В нем власть. И исполнение практически любых желаний. В нем знание и понимание сути ситуаций и событий в мире, в которые не посвящаются профаны как первого, так и второго уровня.

– Вы прибыли, чтоб посвятить меня в третий?

– Чтоб пройти этапы посвящения, нужно ваше согласие.

– А разве есть дебил, который захочет отказаться от власти и исполнения любых желаний?

– Так ви, законный муж при иудейке Алле, значит, согласны? – Пронизывающей чернотой пылали вертикальные щели в глазах гостя.

– Я говорю: да!

– Сделано! Ви продали свою всю плоть и потроха с душой... Я зафиксировал согласие! Никто не может отозвать его обратно! – Калено-торжествующий победный рык истек из гостя. Он выполнил возложенное на него. После чего обмяк, расплылся в кресле, отдыхая, закрыл глаза. Спустя секунды выпрямился, положил Пантакль на подоконник рядом со столом, где полыхали краснотой в зелени цветы размашистой герани, и продолжил с повелительным напором: – Тогда начнем.

Он поднял, раскрыл кейс, достал из его бархатной утробы кипу документов.

– Вам надо это подписать.

– Что здесь?

– Здесь наши инвестиции в корпорацию «Тугут», в ее пятнадцать филиалов на северах. Я не ошибся?

– Не ошиблись. Кто, сколько инвестирует?

– «Кун, Леб и К» в партнерстве с Рейнско-Вестфальской корпорацией в Берлине – семьсот миллионов марок; братья Лазард, банк «Гинзбург» из Парижа – пятьсот шестьдесят миллионов франков; «Спейер и К*» с филиалами в Лондоне и Нью-Йорке – двести двенадцать миллионов фунтов стерлингов и триста миллионов долларов; Nia – Banken в Мадриде – триста тринадцать миллионов песо или евро. Весь жалкий капитал вашего «Тугута» при этих инвестициях запляшет в них свои семь-сорок. Мы последим за этой пляской, а если она нас устроит, приделаем вам пейсы и отвезем в Иерусалим к Стене Плача. Ви будете перед стеной рыдать за холокост и каяться. Как должен каяться весь мир.

– Что значат эти... семь-сорок?

– Понятнее для вас: ми сделаем сэра-мистера Александра Кузьмича соучредителем с партнерской долей в нашем капитале – семь и сорок сотых процента. Время тянуть кота за хвост закончилось. Поставьте здесь ваш бриллиантовый автограф от обладателя Пантакля, подписывайте, herr Кузя, – насмешливо и фамильярно велел пришелец с пульсирующими щелями зрачков, раскладывая на столике перед креслом финансовые документы.

Разложив, он придавил их кругленькой прозрачной ручкой с золотым пером, внутри которой скользили, извивались две голенькие чешуйчатые русалки.

Растерянный восторг напал на фейс директора зачуханного бытокомбината в заснеженной, забытой Бо-

гом Якутии, на коего свалилась благосклонность Посвященных.

ЕГО «ТУГУТОВСКИЕ» СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ МИЛЛИОНОВ ДЕРЕВЯННЫХ РУБЛИКОВ, взягнув игриво, непостижимым образом стали валютой!

Сдерживая дрожь в руке, оторопело скашивая глаз на русалок, он подписал всю кипу документов – и оригиналы, и копии.

Пришелец, опустив взгляд, полный скучной брезгливости, выжидал: все это было многократно.

Сказал, как зафиксировал, бесповоротно:

– Для этой необъятной дуры, пропитанной имперским чванством РАШКИ, давно уж не нужны ракеты с термоядерной головкой. Ее уж двадцать с лишним лет сдают свои чиновные плебеи и разжиревшие нувориши, сдает прожженное ворье – сдают англосаксонскому Сиону. Сдают Рассею-суку со всеми потрохами, недрами, заводами, лесами и полями, со всеми реками, с Байкалом сдают в аренду на полвека китайцам и уйгурам, но главное – сдают НАМ. Тем, кто освоил за века главнейшую профессию планеты – мастырить на станке зеленые бумажки, хоть сотни триллионов...

Поставив на бумаге последний свой автограф, «допущенный» теперь сэр-мистер-херр-мсье-дон спросил с вибрирующим в горле торжеством:

– Я подписал. Что будем делать?

– Теперь вам надо делать вид.

– Что это значит?

– Вам надо делать вид, что ви, сэр Косенок, приклеивший свои «семь-сорок» к НАМ, по-прежнему хозяин на «Тугуте». Ви будете перед всеми делать этот вид на конференциях и форумах, в Давосе, с трибуны Думы, на первых и вторых TV-каналах и раздавать всем интервью. Ваш фейс размножится на всех экранах, а голос Ко-

сенка ползет изо всех щелей: от радио до утюга. Ви будете красиво говорить про оживляж Россией Заполярья и вашу долю в этом. Как говорить – то вам напишет перед каждым разом ваш Хозяин, владелец корпорации и банка под названием «Тугут».

– С чего такая щедрость для меня, полярного клопа с моими «семь-сорок», от тех, у кого девяносто два и шесть? И для чего вот эта бляха с бриллиантами – Пантакль?

– Ви нам все больше нравиться, Кузьмич: логично мыслите и рассуждаете. Начнем с Пантакля, который ви неразумно обозвали бляхой. Встаньте! Станцуйте нам семь-сорок! Возьмите себя в руки! И повторяйте слово в слово! – обрел стальную упругость голос полночного пришельца Люция.

Херр-мистер-сэр-мсье-дон поднялся, взял в руки с подоконника блистающий холодными алмазными лучами круг со звездой Давида. Оторопело, мимоходом, зафиксировал цветочную катастрофу: ликующее буйство красноты, бутончики герани, оккупировавшей подоконник, скукожились, опали и почернели за минуты, листья увяли. Коврик опавших красных вялых трупиков, где только что лежал Пантакль, зловеще устилал пластмассу подоконника.

В Косенка вонзался неистовый фальцет полночного пришельца, втыкаясь в уши режущей струей из слов:

– О Адонай, Iеве, Зебаотъ, о превысшій отецъ, творецъ неба и земли, четырехъ элементовъ и высшихъ духовъ, заклинаю тебя ради твоихъ силъ и добродетелей признать этотъ ПАНТАКЛЬ, который изготовлен для нашего блага!

Вибрировала и пронзала Косенка отточенная чужеродность словосочетаний. Он повторял послушно порабощающую вязь слов – разбуженное и извлеченное из тьмы веков магическое заклинание.

– Я заклинаю тебя, источающий эманацию ПАНТАКЛЬ, именемъ истины, жизни, вечности, именемъ творения, произошедшего изъ ничтожества, чтобы ничто не мешало в моемъ прирастании богатством, силой, властью! Властью, богатством, силой!

Они закончили магическую формулу заклинания – единокровного близнеца новорожденной формулы Косенка. Две формулы слились на старте предстоящих действий: магического пришельца из глубины веков и современное творенье Косенка на стыке математики, физики, химии и психологии.

– Теперь я на третьем уровне? – спросил, едва ворочая задубевшим языком, Косенок: свирепо-властный текст, замешанный на зомби-излучении Пантакля, пронзивший метастазами все тело, истаивал и отпускал неспешно, нехотя.

– Теперь тебе позволено знать кое-что, – изрек Люций фон Левитус, рожденный тьмою рептилоид. – Ты спрашивал, зачем нам и Владыке твои пигмейские «семь-сорок» при наших триллионных капиталах? Для маскировки. Ты – наша маска, невинно-кроткая овечья морда на нашем лице Бафомета. Вся ваша Раша с вашим президентом, бывший спокойный, безопасный полутруп из девяностых, вдруг оцетинилась в имперской спеси и обнаглела до предела, бросая нам ультиматумы. Все филиалы твоего «Тугута» вздулись прыщами на заполярных территориях. И Севморпути. Который нужен нам. Мы укрупним прыщи до статуса фурункулов, добавим к ним аптеки, компьютерную сеть НИИ, продбазы, биолaborатории с разработкой новых штаммов «омикрона». И в нужный час вся эта стая вкупе с новой пандемией сработает для кадрового вывода из строя всей жизненной инфраструктуры Заполярья и кластеров Сибири и Севморпути.

– Ковид и «омикрон», выходит, вы склепали? – пронзило изумление Косенка. Здесь, у него в квартире, конструктор пандемии?! Зарытые в могилы сотни тысяч умерших от ковида – работа этой касты Люция?!

– Ми это таки сделали, и ты теперь допущен к этой информации, – кивнул с нескрываемой брезгливостью Люций фон Левитус, спускаясь, снисходя до просвещения взнужданного гой-профана, и продолжил: – В Ухане мы породили для начала первичный ковид-19. Потом отшлифовали его штамм до «омикрона» в лабораториях Арканзаса, Гарварда и в институте онкологии DANNA-FARBER и THE NATIONAL CENTER FOR BIOTECHNOLOGY INFORMATION при НИИ Пентагона. Ми вставили белок от человека в модифицированный белок-рецептор ACE-2 летучих мышей. И получили шустрый новый штамм. В этих летучих мышках наш шустрик «омикрон» прошел две стадии мутаций: Q493R и Q498R. И научился взламывать входную дверь людских иммунитетов. На очереди обезьяний «омикрон». Теперь, чтобы убить его, гою потребуется в сорок раз больше антител, чем для убийства штамма первого ковида из Уханя.

– И для чего все это?!

– Наша биг-фарма произвела уже более семи миллиардов доз вакцины и заработала более шестисот миллиардов зелени...

– Ничего личного, только бизнес?! – выныривал из преисподней фармлюдоедов еще пока не до конца отмытый Горбостройкой от русской социальной сути новорожденный сэр-мистер-херр-мсье-дон Косенок.

– Почти что так. Но есть и личное Владыки Бафомета: вас слишком много расплодилось после Потопа. И это надо исправлять. Вы это будете делать вместе с нами. В награду вам – исполнение любых желаний. Любых. Кроме парного молока с горячим хлебом.

– Вы не боитесь... что я... когда-нибудь... по пьянке проболтаюсь про этот мегахолокост? – задавленно выцедил сквозь стиснутое спазмом горло Косенок – соавтор и уже участник людоедства.

– Вы не успеете, – сказал пришелец и поднялся с закрытым кейсом, где спрессовались документы.

– Что значит не успею?

– Вы продали свою субстанцию и душу нам, Пантаклю. Он испускает эманацию. Как только мистер-сэр-мсье-херр-дон захочет поделиться с кем-то нашим разговором, его язык станет таким же. – Гость показал на подоконник, устанный багрово-черным слоем «трупиков» герани, – наглядно продемонстрированная беспощадность эманации Пантакля.

– Последнее, – сказал уже стоящий Люций. – Здесь появился при газете новый кадр – фотограф. Некий Ичкер. Займитесь им. Любой ценой притиснитесь в контактах, возможно в общем бизнесе, узнайте цель его приезда. Он не фотограф, он к нам заслан. Я ухожу.

Внизу захлопнулась входная дверь.

Косенок откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, всеми костями, мышцами и мозгом блаженно ощущая причастность к произошедшей фантазмагории. Он был допущен к ней, к синклиту Посвященных, творивших неведомые катаклизмы, включен в когорту избранных владык планеты, коих периодически собирала во дворце Давоса рептилоидная каста, – определять судьбу цивилизаций. Так должно быть! Естественный отбор полезных, нужных для Владыки. Виват ему!

Лишь избранным – в награду исполнение ВСЕГО. ВСЕГО, ЧТО ПОЖЕЛАЕТСЯ. Как Швабу, Биллу Гейтсу, Ротшильдам, Рокфеллерам, Илону Маску и Бжезинскому. А все быткомбинатовские филиалы Косенка в низовьях Колымы, Индигирки и Лены, в центре Сибири, весь иссу-

шающий надрыв по их созданию, в обход законов и матерых конкурентов, – отныне все это суета сует пред стратосферной высотой, куда его взметнула формула. И это, снизошедшее, надо проверить: что-то пожелать! Немедленно, сейчас!

Косенок вяло пошарил в своих потребительских закромах и обнаружил одно куцее желание: он хотел парного молока с горячим ржаным хлебом. И тут же вспомнил запрет Люция про молоко с горячим хлебом. Какого черта?! Да почему нельзя хотеть того, к чему привык, что требует, о чем вопит желудок?! Вопят рецепторы во рту! За черными стеклами двойной рамы билась и бесновалась полярная пурга, а ему хотелось...

«Теплого парного молока... Чтобы не в кружке, не в стакане, а в глиняной, облитой глазурью миске, куда можно крошить горячий хлеб и деревянной ложкой... раз за разом... в рот».

Резко закололо в челюстях – во рту копилась слюна. Он вспомнил, что не ужинал сегодня... вернее, уже вчера. Конечно же, все бред сивой кобылы: кто это предоставит в пургу, в два после полуночи – парное молоко и хлеб... Опять вернется Люций?!

Что-то пульсировало и растекалось в кабинете. Пантакль на письменном столе, алмазно полыхая стрелами, сиял неистово и обжигал мозг разгоравшимся желанием запретного.

ПАРНОГО МОЛОКА С ГОРЯЧИМ ХЛЕБОМ.

В соседней спальне, куда была приоткрыта дверь, скрипнула кровать. Косенок перевел дух, прислушался. С глаз спадала пелена. Шлепанцы Аллы прошествовали в комнату, которая совмещала столовую и кухню. В уютность тишины вонзился скрип шкафчика, приглушенный перестук тарелок. Скрип повторила дверь, ведущая из кухни в сени, потом железно звякнула входная дверь

и все затихло: жена спускалась в шлепанцах по винтовой лестнице с дубовой отделкой в прихожую с охранником на нижнем этаже.

«Куда это она?!» – всполошенно поразился муж: дверь из прихожей вела на улицу, в свирепость бешеной пурги. Попытался встать, но что-то тяжкое упруго придавило к стулу.

Он ждал в оцепенении минут пятнадцать. Визгнула, грохнула сталью дверь в прихожке – Алла вернулась.

Она вошла в кабинет. Жена, вот уже двадцать лет как спутник в свирепых передрягах бизнеса, подрагивая, стояла на пороге в длинной ночной рубаше и шлепанцах на босу ногу, облепленных снегом. В руках у нее был ржаной хлеб, кружка с ложкой и глиняная, облитая глазурью миска. Во взбитых, спутанных ветром волосах таяли, набухали алмазным блеском снежные клочья, глаза были закрыты.

Алла качнулась, шагнула к столу, поставила миску и хлеб. Неудержимой крупной дрожью билось под рубашкой тело. Она сказала, не открывая глаз, зябко цедя слова:

– Сколько можно сидеть... поешь.

– Ты где была? – напряженно и быстро спросил Косенок. – Где ты была?! – повторил он в опалившем его предчувствии.

– У Лиды.

– Зачем?!

– У нее в сенях миска и молоко. Она не запирает на ночь.

– Через весь двор... полусотня метров... в таком виде? Ты что... с ума сошла?! В пургу... на улице за сорок! – Его начало трясти.

– Ты захотел парного... молока... с горячим хлебом, – хриплым мертвым голосом ответила Алла, не открывая глаз. Снег в волосах растаял, стекал ручейками по лбу. Она повернулась, держась за стену, пошатываясь, пошла к себе в спальню, пятная мокрыми следами шлепанцев

желтизну паркета. Похрипывали схваченные лютой стужей легкие. Спустя минуты пронизал тишину спальни ее надрывно-хриплый долгий, лающий кашель.

Косенок, унимая дрожь в руках, сунул их под мышки. Не хватало воздуха. Он привстал, потянулся к окну, дернул форточку на себя. Она не поддавалась, окольцованная по краям толстым валиком инея. Он дернул ее двумя руками, с треском отодрал от окна. В комнату ворвалась режущая стужа, нашпигованная колючим снегом. Он жадно хватал ее сухим, жарким ртом, пока не продрог. Закрыв форточку, сел. Налил из кружки в миску молока, крошил туда хлеба. Подцепив ложкой вымокший ржано-молочный кусок, отправил в рот.

Молоко, пролившись в гортань, было парным, теплым, хлеб горячий – из печи. Он застонал от наслаждения, но в мысли настырно вламывалась оторопь: соседка Лида только что испекла хлеб и подоила корову... в два ночи?! Какого черта?.. Бредятина? Или... по щучьему велению... по Косенка хотению? Но почему его хотенье ударило наотмашь, беспощадно по самой близкой в этой жизни? И если он, клопик от бизнеса, слуга Пантакля, ударил так нещадно по своей жене, то как, в каких масштабах курочат бытие и рушат жизни безбашенные «Я хочу!» владык давосских, воротил политики и олигархов?!

Каршеринг Астраханский, с кукушкой и медведем

В Астрахани они загрузили снасти и провизию в потрепанный каршеринговый джип и двинулись к низовым разливам Волги. Закованная в асфальт, стиснутая городски-

ми кварталами дорога наконец выскользнула за пределы города. Сидевший за рулем Косенок опустил стекла. Ударил в лица ветер. Скоро за окнами зазеленела густая камышовая благодать прудов, в зеленых прорехах голубой эмалью взблескивала водяная гладь.

Сразу за багажником вспухал ржаной столб пыли, хищно заглатывая обочины. Изредка проселочную дорогу сменяли куски рваного асфальта. Над ними, густо набухая чернотой, клубились тучи. Спустя минут пятнадцать-двадцать над головами рвануло с треском, сплошной стеной обрушился и придавил окрестности весенний ливень. Они остановились. Небо рвалось в клочки артиллерийской канонадой грома, хлестали, ослепляли плазменные плети молний. Все кончилось внезапно – как и началось. И они тронулись дальше, расплескивая лужи по обочинам.

Ичкер повернул голову и посмотрел на Косенка, зондируя его головастую сущность, увенчанную седой шевелюрой. На мясистом носу ее сидели черные роговые очки. Крупные, увитые жилами руки на руле жили своей дорожной жизнью.

Суть этой особи, магнитно притянувшей давосских мировых воротил, продавливалась, туго расступалась. Рядом сидел бизнес-делец, сумевший сколотить в Заполярье бешеной энергией свою империю. Матерый, беспощадный технократ с необъятной памятью, до жути, до чертовщины везучий в своих диких пожеланиях. Плевать хотел на условности, на общепринятые правила житейской игры, категорически предпочитая игры без правил. В любой ситуации вооружен был никогда не отступающим напором, заряженным от бешенства девяностых. Был удостоен посещения Левитуса – посланника от Б-АРХОН-ТА, и наделен во многом исполнением желаний. Каких, насколько кардинальных, масштабных по меркам социума – все это предстояло испытать, узнать.

Только из такого каленого, шибяющего центропулизмом сочетания могла прорасти, полыхая паразитарной сутью, формула – единая и беспощадная для необъятных стад двуногих, разделяющая их на всевластную элиту и серое, подлежащее сокращению быдло.

– Ну, разгадал? – спросил, не поворачивая головы, Косенок.

– Тебя?

– Меня.

– Ты разновидность плесени на теле государства.

– Какая?

– Время покажет. Их две, фиксированные временем – полезная, из коей производят пенициллин, и ядовитая. К пенициллиновым причислю Форда, Третьякова, Демидовых, Морозовых. К отраве – Ротшильдов, Рокфеллеров, Круппов, Вандербильтов, Чубайсов. Их расфасовало время.

– Время? Ссылаются на время пьянь, рвань и слабаки. Но ты же не из них. По-твоему, в какой из разновидностей я?

– Был в первой. Сейчас вломился, угнездился во второй.

– Недалеко от истины. Но если продолжать... а ч-черт!

Твою дивизию!

– В чем дело?

– Всучили клячу в каршеринге, движок на перегреве. То ли протек, то ли недолили антифриза.

Они остановились рядом с обширной, на всю дорогу, лужей, и Косенок, достав канистру из багажника, стал доливать воды в бачок для охлаждения.

Матвей вышел, перескочил через кювет и потянулся. Ноющее от дорожных тычков тело напитывалось дождевой прохладой.

Он огляделся. Слева за машиной нежно-зеленое буйство лесополосы цедило сквозь себя небесную синь.

От самых ног Ичкера начиналось поле. Зеленые пшеничные ряды тянулись от обочины вдаль, к горизонту. Тишина, накрывшая все это, была абсолютной. Ичкер болезненно и жадно напряг слух – весна! Зверюшки, птицы, суслики из лесополосы, звенящие цикады должны были неистово сливаться в пары, готовить продолжение себя.

Безмолвие, нависшее над ними, было мертвящим. Причина, заглушившая все звуки? Не та ли мировая бойня по кличке Спецоперация в полях и городах Хохляндии, к которой с ужасом прислушивается все сущее на планете, поскольку суть ее – последняя решающая схватка между Добром и Злом, Тьмой и Светом, Западом и Востоком на рубеже между Чертогами Лисы и Волка?!

- Кузьмич! – позвал Ичкер.
- Чего тебе?
- Ты слышишь что-нибудь?
- Не слышу.
- Где птицы и зверюшки? Цикады, соловьи, кукушки?
- Они тебе зачем? – Спросивший это стоял, расставив ноги, проросший из дорожной тверди, возвысившийся над ней пантаклевым Гулливером.
- Тебя не давит эта тишина?
- А почему Хозяина, Владыку должно давить молчание обслуги, когда он входит? Я здесь, прибыл. И вся обслуга прекратила болтовню с почтением.
- Природа для тебя – обслуга?
- Природа в том числе.
- Ты это серьезно?
- Серьезней некуда.
- Ты похож на курильщика-суицидника на последней стадии рака, который всем доказывает пользу никотина. Если тебя не пригибает вот эта немота, то за каким чертом мы ломимся за сотни километров к водяной и камышовой глуши?

– Не знаю, зачем ты. Я – победить, насытиться.

– То есть?

– Перехитрить добычу, поймать и проглотить ее.

В этом суть каждого двуногого от неолита. Все то же самое сейчас, не считая цивилизованной лакировки.

– Чтоб ты пропал, херр-сэр-мистер Косенок! – сморщился, замотал головой Ичкер. – Что ж ты нас всех к брюху, ко вселенскому «ням-ням» стаскиваешь?! Разуй глаза и присмотрись, куда Европу завели такие вот, как ты! Эрозия у них пожрала миллионы гектаров, почвы мертвы, отравлены химией, там ничего не прорастает, кроме модифицированных семян Монсанто! Сотни исчезнувших видов! Миллионы квадратных километров превращены в пустыни за последние полсотни лет! Пожары там и у нас сжирают сотни тысяч гектаров леса! Со вчерашнего вечера до этого часа на планете свалилось под пилами и под огнем тридцать тысяч гектаров, исчезло сотни тонн кислорода из атмосферы! За сутки в реки и моря спущен кубический километр отравленных стоков! Те мировые СМИ, что еще сохранили разум, орут, пишут об этом по нарастающей! Ты хочешь всего этого у нас?

– Во что они орут и на чем пишут? – напористой насмешкой врезался в монолог Косенок.

– Что значит на чем?

– Они вещают в студиях в железный микрофон и пишут на бумаге. Железо и бумагу надо сделать – добыть в карьерах и переплавить в доменных печах, бумагу – получить из спиленного дерева. Ты едешь на природу на металлическом звере – джипе, расходуя бензин и отравляя воздух. Ты догадался, почему все человечество уже не пишет скребком на глиняных табличках, не ездит на ослах и получает электричество из атомных и гидростанций? Поэтому твой возмущенный вопль «Остановите

цивилизацию!» – всего лишь фарисейский ор ханжи, блаженного юродивого недоумка.

– Да не цивилизация виновата, а выродки ее, тупые и зажравшиеся!

– Пошли бы вы, защитники, подальше, к неолиту. Чтоб виду человека выжить и существовать в комфорте, он должен подавлять другие виды и царствовать над ними. Это закон природы, той самой мачехи, которую ты так оголтело защищаешь.

– А ты не думал, что твой двуногий хищник скоро захлебнется в своих нечистотах?

– Этого не будет.

– Почему?

– Идет мутация, геномная перестройка организмов. Мутант двуногий приспособляется жить в той среде, которую сам создает. И переделывает ее для себя. При этом химически и генетически совершенствует свой организм. Нынешний век породил чемпионов плоти, которая вздымает над спортивную безмозглою башкой под двести килограммов штангу и прыгает на Олимпиадах два двадцать в высоту. А моя формула определяет цену тем и этим. Чтобы одних, элитных, протаскивать в грядущее, а остальных – в расход. Или в лакейскую службу. Признайся, что я прав, а ты в нокауте лежишь и слабо сушишь ножками.

Матвей не ответил. Он напряженно слушал: непостижимо, странно в лесополосе озвучилась, закуковала кукушка, подавая кому-то малиновый и дико звонкий знак.

Косенок вломился в кукованье, повторил:

– Так признаешь, что ты в нокауте?

– В каком?

– Вы ноете, цепляете за фалды нас, технарей. А мы решаем большинство вопросов, кормим, обогреваем и возим вас. Все на своих местах, согласно купленным у веч-

ности билетам – по ценам, которые определяю я, НОМО SAPIENS власть имущий.

– А этому какую ты назначишь цену?

– Чему?

– Кукушке.

– Уе-е-ел. Чем оценить и измерить гармонию природы? Так, что ли?

Ичкер молчал.

– Тебе нужны цифры. Я оценил кукушку в ноль. Нет ей цены. Не пашет и не сеет. Не истребляет грызунов. А вот полезность кобчика – пуд зерна. Пять-шесть мышей иль суслик – его меню. А значит, мы имеем ежедневно пуд зерна, им сбереженного, для меня, царя природы. И если кобчик пожрет кукушку и насытится, то это будет закономерный, биологически, экономически полезный и разумный акт.

– Тебе не кажется, что шибает укробандеровщиной? Все коломойские и ющенки, все порошенки и зеленские, вооруженные этой вот стратегией шикльгруберов, ныне взорвали братоубийственные, родственные шлюзы, откуда льются реки крови.

– А на кой хрен вы к ним полезли? Они, что ли, затеяли войну? Вопите про славянское единство – и тут же «Градами», «Кинжалами» их по башке и тулову, чтобы кишки с мозгами перемешались.

– Твой разум выше обычных, на порядок. Не верю, что ты не знаешь предыстории. Их тупо и остервенело готовили к войне. Бетонные укрытия, окопы, ДОТы, ДЗОТы по всей Хохляндии, укомплектованная западным оружием армия и тысячи советников, наемников, инструкторов из США, Европы, Англии. Хохляндский генералитет нафарширован ими. А для начала восемь лет палаческого геноцида в Донбассе и Луганске.

– Мне надо зарыдать? Клянусь Пантаклем – слезина не выдавливается после двадцать второго февраля.

– Учитывая опыт сорок первого, мы их опередили на неделю. Ты этого не знал? Врешь, знал!

– Bravo! – лениво и насмешливо похлопал Косенок в ладоши. – Виват патриотическим фонтанам. Теперь опустимся на землю с высот геополитики от Фрейда, Дарвина и Брэма, которых ты зачислил в укрофашисты. Поближе к этой лесополосе, к рыбалке и кукушке. Ты бичевал укробандеровцев высоким штилем. Но для меня они – тот самый КОБЧИК. А вы все – КУКУШКИ. И рано или поздно...

– Ты не боишься, что кукушка не выполнит свое предназначение?

– Какое?

– Не продлит тебе жизнь.

– Идиотизм фантастики. Комок кукующего мяса в перьях не должен и не может влиять на долголетие царя природы. Твоя кукушка всего лишь ваш блаженный миф, пузырь.

– Такой же, как твоя формула и полуночное явление к тебе Люция фон Левитуса.

Ичкер переживал всполошенное изумление Косенка и добил безжалостно и сухо:

– Я думаю, кукушка в лесополосе с ее возможностью продлить для человека долголетие реальна, как твоя клятва Бафомету над Пантаклем.

– Откуда ты это знаешь?! Пора воспринимать тебя всерьез, – вынырнул из потрясения Косенок.

– Давно пора.

– Значит, кукушка...

– Когда ее убьет твой кобчик, она не сможет дать тебе ни года жизни. Не боишься?

– Я сам себе Фемида и Создатель, не клянчу ни у кого то, что мне нужно, – надменно, глухо сцедил в пространство Косенок.

– Ослепшая Фемида с заплывшими ушами. Ну, едем, что ли, дальше, к нашей цели?

За стеклами очков у Косенка леденели в угрюмости глаза. Он отвернулся, зашагал к машине. Ичкер смотрел на его спину. Под серой курткой торчали в вызывающей угрюмости лопатки.

– Александр Кузьмич, ты болен, – сказал Ичкер лопаткам.

– Чем?

– Катастрофическая разновидность авитаминоза. Ты в детстве недобрал отечественных витаминов.

– Каких?

– Разных. Наверное, по весу в твоей системе ценностей – мизер, миллиграммы. Или совсем нули. Полмиллиграмма русских песен, плясок. Девичье гадание под звездами на суженых, купание в лесной речке. Три миллиграмма живописи Левитана, Васнецова, Айвазовского. Два миллиграмма сказок Бажова. Пять миллиграммов Чехова и Бунина, рыбалки в омуте с костром на берегу, полмиллиграмма ароматов чабреца, полыни и сирени. Тебя не наделили всем этим в детстве. И оттого на голове твоей короста, евроизоляция из резины. К тебе, сквозь эту изоляцию, не может подключиться Великое кольцо из эгрегоров.

– Великое кольцо... дырка от бублика?

– Это то, что остается после нас, – сказал Ичкер и оборвал себя. Не захотел он прорываться сквозь чуждую, враждебную ментальность пантаклевидного херра Косенка, распаивать всю суть своих соотечественников – охотников и пахарей, кузнецов, жрецов и воинов.

Они жили у Волги. Охотились, кормились и плодились, ежедневно и ежечасно ждали нашествия, чтобы с копьем, мечом и луком все нажитое защитить и передать детям и внукам. Стояли за все это насмерть, предсмер-

тно, тяжело круша чужую хищническую волю и тела, их копья и щиты.

И через годы, скудно отпущенные им, все те, кто выжил в битвах, пройдя свой путь, одетые в броню из мышц, мозолей, шрамов, облаченные в чистое полотно, устало, облегченно ложились в свою землю – истлевать в ней плотью, пустив напоследок в небо, как белого голубя, свои души. И те взлетали в небо бесчисленными стаями, сливаясь там в Великое кольцо, или эгрегоры.

Мерцая зыбким маревом, оно хранило, оберегало своих потомков и наделяло их мирной, разумной – русской – сутью.

Но не хотел знать все это Косенок. Стоял он перед Ичкером увесисто и плотно – циркулем, воткнувшимся в земную твердь, увенчанный резиновой коростой спеси и отчуждения, от коей отлетали все излучения Великого кольца, чужие мнения и доводы.

– Ты ренегат, фотограф, – почти что весело подытожил схватку Косенок. – Пшел в воду! Тебе не место среди нас.

– Мне – в воду?..

– Именно тебе. Ты изменил своему царскому виду – быть хомо сапиенс, который в драках завоевывает земли и комфорт. В тебе не человечья – рыба кровь. И твое место среди раков, рыб, ракушек и икры. Опрыскивай ее своей спермой, плоди гибридов. А когда они полезут на сушу, мы определим их цену и полезность, решим, стоит ли пускать вот этих выродков на сушу. Где тесно и без них.

Он пожелал так, и Ичкер почуял, насколько сильным было это пожелание. Оно вошло в него длинной шершавой иглой, пронзило навывлет.

– Так, значит, эта пустота тебя устраивает, – пережидая боль, спросил Ичкер, – и ты не хочешь, чтобы здесь появился жаворонок, зайчишка или лисенок?

– Медведя я хочу! – совсем уж весело закончил пожелания самозванный Владыка всей окружившей шири до горизонта. – Медведя! Чтоб ковылял вокруг меня на задних лапах, передние протягивал ко мне – кланчил пожрать. Тогда я накормлю его, заставлю вальс изображать.

Пронзительно и жалобно сорвался сверху чей-то крик. Между ветвями лесополосы кофейно-пестрым пятном металась кукушка. Следом, будто привязанное, повторяло ее зигзаги, бесшумно скользило зализанное тело серой птицы. Они плясали свой воздушный танец среди озелененных крон стремительно, все теснее.

Кукушка уже не взывала в страхе. Она лишь обессиленно и тонко вскрикивала, и крик ее стеклянно лопался в нежно-зеленом перехлесте веток и оседал на них серебряной пылью. Предсмертный танец охотника и жертвы подходил к концу, вязко спускаясь на нижний ярус лесополосы.

Его ломаная нить выметнулась из раскидистых крон и выхлестнула на открытое пространство. И здесь кукушка решила на последнее: она отчаянно ударила крыльями воздух и порхнула к извечному источнику страха – к человеку.

Она почти одолела зияющий десяток метров до жирно блестящей глыбы на дороге, когда почувствовала сзади наступающие когти. Пытаясь увернуться, птица перевернулась вверх брюшком, и ее тут же полоснуло когтем по груди, по горлу.

... На крышу машины упал комок плоти в смятых перьях. Чукалин зашагал к машине и взял мертвую кукушку. Через оголенную грудь и горлышко тянулся рваный порез, напитываясь липкой сукровицей. Отчаянно выламываясь из груди, стучало в пальцах Ичкера птичье сердце, отдавало в руку и через нее, через все тело человека и его подошвы, сотрясало твердь под ними до горизонта.

Глаз кукушки, затянутый синей пленкой, открылся. На человека глянуло страдание, единое для всех.

– Ну, сколько мне осталось жить? – спросил из-за спины Косенок. – Кукуй, пророчица, да не соври.

Кукушка распахнула клюв. И из него чуть слышно высочился хрип.

– Значит, ни года не даешь. Да черта с два! Я долго жить намерен. Прощай, вруниха-неудачница, не повезло тебе, – с брезгливою усмешкой попрощался с угасавшей жизнью Косенок. И, повернувшись, отошел.

Ичкер шагнул через кювет, двинулся вдоль лесополосы, подыскивая птице последнее пристанище. Выбрал развилку чуть выше головы и уместил в нее кукушку. Она содрогнулась, затихла. Головка с полураскрытым клювом опала к ветке.

Ичкер сорвал лопух, вытер багряную липкость пальцев, убирая мокрый красный пух.

– Ну вот, – сказал Чукалин, он же Матвей Фаломеев, по совместительству Ичкер, – покончено с кукушкой, которая была здесь лишней для тебя. Теперь черед медведя, чтобы ходил перед тобой на задних лапах.

Вдалеке на краю поля зародилось жужжание. Пополз на них, заметно укрупняясь, оранжевый фургон «Лада-Ларгус». Его лихо мотало из стороны в сторону. Выписывая зигзаги, ныряя никелированной мордой в рытвины, приближалась машина – расхлябанно гремящая коробка на колесах.

Косенок пошел к джипу, чтобы продвинуть его дальше, освободить дорогу между кюветом и лужей. Но не успел – фургон, взревев, ринулся в лужу, обдав стоящих струями воды, взвыл двигателем, ерзая юзом, и заглох.

В набрякшей тишине из оранжевого кузова фургона прорезался жалкий, утробный рык. Дверь с визгом распахнулась, и над взбаламученной водой нависли два ре-

зиновых сапога. Следом за ними высунулась голова с белесым чубчиком.

– Влип по самые муди, – с глубоким удовлетворением сказала голова хриловатым тенорком. И по тому, как расплзалась по лицу безмятежная ухмылка, стало ясно: владелец головы под крепким градусом.

– Лихой ты парень, – сказал угрюмо и брезгливо Косенок, отряхивая мокрые штаны.

– Я такой, – подтвердил белесый, плюхнул сапоги в лужу, выпрямился и образовал долговязую фигуру в комбинезоне.

– Ты что, не мог подождать? Отогнали бы машину, – сказал Ичкер, напряженно прислушиваясь: внутри машины скребло по железу чем-то острым.

– Не-а, – мотнул головой водитель и с надеждой спросил: – Мужики, медведя не надо? Уступлю за тышчонку.

– Какого медведя? – все больше напрягаясь, спросил Ичкер.

– Ученого, – подмигнул прибывший лихач. – Он перед вами что хошь изобразит, «цыганочку», а то и вальс забавляет. Прошу убедиться.

Он распахнул задние дверцы фургона. За решетчатой перегородкой, уцепившись лапами за прутья, стоял рослый пестун со включенной шерстью. Из носа у него сочилась кровь – нелегко дались зверю дорожные ухабы. Водитель вынул гвоздь из петли, сдвинул решетку.

– Чо, замаялся, Миха? Э-эх, бедун. Ничо-о-о, щас передых устроим. Вылазь, покажи клиентам класс.

Медведь опасно высунул голову, подслеповато щурясь от света. Спрыгнул в лужу, выбрался из нее, встряхнулся. Поднялся на задние лапы, закружился, приседая, жалостно взреывая. Затопал к Косенку, остановился перед ним, вытянул лапу. Черные пуговицы его глаз смотрели на человека измученно и скорбно: зверь выпрашивал подачку.

– Молоток, Миха, – водитель сунул руку в карман, достал замурзанный кусок сахара, – на, шамай, заработал. Так что, мужики, берете? Он на даче вместо овчарки будет, любого домушника сцапает.

– Откуда он у тебя? – спросил Ичкер-Фаломеев, вглядываясь в водителя. Лицо у того странно менялось на глазах, заплывая неестественной гипсовой неподвижностью.

– Гоню в Саратов. Три часа назад цирк запросил. Мы в Астрахани с передвижкой работали, а головняк саратовский его вдруг назад затребовал. Хрен их знает зачем. Угробят скотину почему зря. Ну-ка посиди в клетке семьсот километров на таких дорогах...

– А что ты в Саратове скажешь? – настойчиво ломился в суть происходящего Ичкер.

– А сдох, – раздвинул губы водитель, – сдох и амба, не жрет ничего, бедолага, замаялся. А еще ночь мордоваться по таким дорогам. Вам чо, скотину не жалко? Берите, не надо тыщи, даром отдам.

– Нет, – сказал Косенок, попятился от зверя. На его лицо напоззало торжество.

Ичкер смотрел на водителя, чувствуя, как покрывается мурашками спина. Белое, как мел, лицо лихача подергивалось в тике, глубоко запавшие глаза зияли черными дырами.

– Давай, Миха, назад, – вязко разлепив губы, выцедил он, – не выгорело у нас, ты здесь не нужен, так что терпи, пока не сдохнешь.

Медведь влез в клетку. Водила задвинул за ним решетку, вставил в дужку гвоздь. Шагнул к кабине. Жирно чавкнула грязь.

– Выпусти зверя, – сказал Косенок. – Прокормится в степи, я это обещаю. Пейзаж оживит. А то наш фотомастер без живого пейзажа измаялся.

– Это можно, – содрогнулся всем телом водитель. – Гуляй, Миха, используй свой шанс. Клиенты сегодня добрые, жратву на воле обещают.

Сдвинул решетку, дернул головой, всхлипнул, выцедил задавленным шепотом:

– Это че ж со мной?.. Че ж такое с башкой творится?!

– Лед для рыбы понадобится. У тебя лед есть? – спросил с внезапно полыхнувшим азартным интересом Косенок. Желание показалось абсолютно диким: лед среди прогретого, расчерченного зелеными рядками поля.

– Само собой... без льда не ездим, – с усилием разлепил губы водитель. Протиснулся в темное ну-тро фургона между стеной и клеткой. Пятясь, потянул ко входу квадратную алюминиевую посуду, укутанную войлоком и клеенкой, распахнул их, отодрал крышку. В посудине лежало сырое мясо, щедро переложенное сухим льдом.

– Теперь нам это ни к чему, раз Миха сам корм добудет. Забирай лед, мужики, мясо оставлю, поджарю на обратном пути. Ну, будьте.

Он вынул мясо, завернул его в клеенку. Косенок обернул флягу войлоком, отнес в багажник джипа.

«Лада-Ларгус» взревела, пустила из-под колес черные фонтаны, виляя задом, неожиданно легко выбралась из лужи. Скоро оранжевый куб скрылся за поворотом лесополосы.

Они тронулись следом через несколько минут. Ичкер молчал, переваривая случившееся. Перед глазами стояло видение: подбрасывая тощий зад над расчерченными зелеными, скакал, удалялся медведь. Время от времени он поднимался на задние лапы, вертелся, выдавая вальсовые па. Бурая точка уменьшалась, сливаясь с полем, пока не исчезла за горизонтом. Как оценить все это?!

– Смотри! – Косенок вдруг ударил по тормозу.

Матвей уткнулся лбом в ветровое стекло. В степи стояла угольно-черная пастушья овчарка.

– Вот это – мое! – непримиримо, жестко сказал Косенок, продолжая давний спор. – Тебе не хватает в пейзаже волка, мне – собаки! Волк неуправляем, значит, враг! Волчья стая автономна, значит, вне моего закона. Тем хуже для нее, поскольку волку есть замена – вот она, собака. Веками служит человеку. Волчью стаю должен заменить собачий клан. Пейзаж от этого не проиграет!

– А дичь куда?

– Есть зоопарки и зверинцы. Щадящий вариант – сеть заповедников с прикормкой. Где я смогу охотиться.

– Ну перебьешь всех, а дальше что?

– Всем, кто допущен к заповедникам, – намордник квоты на дичь. По формуле. Исчезнет тот объект охоты, кто не полезен, останутся лишь нужные. Я так хочу! А если я хочу...

Звеняще хищным торжеством прорвало Косенка. Он не закончил. Ичкер содрогнулся, глухо рыкнул от боли – она проткнула правый бок. Спустя мгновение – левый. Он выдернул рубаху из-под ремня, всмотрелся в правое подреберье – там кожа накалялась припухлой краснотой. Такая же терзала жжением и слева.

– Чего там у тебя? – скосив глаза, спросил Косенок, увидел красную щелеобразную припухлость на боку, всхлипнул, рванул руль, объезжая выбоину, подавленно и изумленно выругался: – Твою дивизию! Нам только этого не хватало!

В мозгу взорвалась догадка, которую нельзя было выпустить наружу: «ЖАБРЫ?! Я же послал его в воду... там без них не выживешь...»

Ичкер опустил рубаху, прижал локти к бокам. Свирепость жжения утихала, сменяясь острым зудом.

Черный пес, неподвижно смотревший на машину, тревожно взвизгнул, дернул шкурой на спине, потом рванул в галоп широкими прыжками – к горизонту. Там угадывался силуэт овечьей кошары.

Финал Чертога Лисы

Выплывший из камышовых зарослей Косенок одолел водяной простор со свистящий ветром, причалил к берегу. Задыхаясь, выволок на сушу тяжесть лодки и рухнул на песок. Он одолел этот сквозняк... подлючий водяной сифон... взбесившееся на просторах ветрило.

Где шляется Матвей? Домой, сейчас же. Если задуло в этой необъятной пойме – это надолго. Он поднял голову. Сгущались сумерки. Поднялся, приволакивая ноги, побрел к машине. Железный надежный сгусток тьмы манил обжитостью и покоем. Он обошел вокруг машины, подергал запертые двери. В приспущенном окне при-свистывал, канючил ветер, на заднем сиденье вздувался и опадал брезент.

Косенок посмотрел вдоль берега, уперся взглядом в камышовую стену. На желто-зеленом трепетавшем фоне четко выделялся черный силуэт собаки. Она сидела неподвижно рядом с узким проходом, из него высунулась и тут же скрылась еще одна собака.

Порыв ветра бросил в Косенка пылью. Он зажмурился, переждал. Когда открыл глаза, у камышей никого не было. Может, показалось?

Прислонившись к багажнику спиной, Косенок затравленно огляделся. В сотне метров от машины начинался травянистый подъем, густо затушеванный сумерками. На самом верху его, на зубчатой границе с небом, появилась и застыла двуногая фигура. Она раскачивалась,

впаянная в сумерки, – мохнатая, страшная. Затем фигура опустилась на четвереньки и слилась со склоном.

Косенок, содрогаясь всем телом, позвал:

– Матве-е-ей! Ого-го-го, Матве-е-е-ей!

Кричал долго, панически. Внезапно припомнилось пожелание Матвею: «Пошел в воду! Тебе не место среди нас!» И эти жуткие нарывы у него на ребрах... жабры?! Бред какой-то... Ну не от злости же послал – в запале, спорили ведь, шутили. Что они там, шуток не понимают?!

«Где ТАМ? И кто ОНИ?!»

Надо что-то делать, не стоять же чурбаном. Надо включить свет в машине и ехать вдоль берега, подавая сигналы. Твою дивизию... Проклятая степь! Сволочная поездка и сволочная эта темнота, накрывавшая ее. Только бы выбраться отсюда, поймать колесами асфальт.

И, напрягая волю, цепenea в ожидании, он пожелал с бешено прорвавшейся страстью: «Хочу света! Эй, как вас там – боги, черти, эгрегоры, – света хочу и Матвея! НУ! СВЕТА И МАТВЕЯ!»

Потянулся к двери, дернул ручку на себя. Вспомнил, что она заперта, полез в карман за ключом. И не успел. Степь стала озаряться. Прореху в черных тучах начал выплавлять слепящий лунный диск, очерчивая пространство небывало четко обозначенным конусом. Машина, кусок степи с водой накрывались колпаком с резко очерченными границами.

Гулкий хлопок, раздавшийся неподалеку, встряхнул Косенка. Он развернулся, сдавленно ахнул. На черном лаковом глянце прибрежного ила билась невиданно громадная рыба, гулко шлепая по нему хвостом раз за разом.

Косенок шагнул от машины, подрагивая в охотничьем азарте, выцедил сквозь зубы:

– Пода-а-а-арочек... За освещение благодарю, постарались на совесть, господа... А этого зверя я не просил...

Однако дареной скотине в зубы не смотрят. Так и быть, приму!

Подстегиваемый нетерпением и азартом, убыстряя шаги, он побежал. Это становилось интересным. Никогда не было еще так интересно со времен Люция фон Левитуса. Он бежал к Лобастой – своей нежданной добыче. Может, пора уже насытить душу и тело в этой чертовой поездке?! В которой неотвратимо действует его, оказывается, всемогущее «ХОЧУ». Все остальное – муть! Труха и перхоть на ушах, не заслуживающие внимания.

***

Из степной мглы, опасливо урча, подбирался к колпаку лунного света медведь. Перед сияющей границей встал на дыбы, тронул ее. Длинные черные когти, пучок шерсти на лапе вспыхнули лимонно-желтым светом. Зверь рывкнул, отдернул лапу. Свет жил сам по себе, не жалил и не огрызался на медвежье вторжение, и тот, урча, перешагнул световую границу. Увидел: на берегу билась с гулками шлепками огромная рыбина – пища! Желудок медведя остервенело требовал наполнения.

У рыбы суетился подбежавший человечек. Он приподнял голову рыбьего монстра над илом и, напрягаясь, потащил к машине.

***

Косенок подтащил нежданную добычу к машине. Надрываясь из последних сил, поставил сазана на хвост и прислонил к авто. Затих, блаженно улыбаясь. Рядом стояла живая гора рыбьего мяса, закованная в чешую. Мать честная! Когда и кто из рыбаков привозил с рыбалки такого динозавра?!

Косенок подцепил ногтем чешуину с тарелку шириной, с треском отпустил. Таких сазанов не бывает. Их просто

нет на свете. Счастливо, до дрожи в животе, вздохнул, погладил скользкую холодную морду чудища. Вздрыгнул. Из-под ладони на него смотрел осмысленно страдающий, налитый влагой глаз.

– Ты что уставилась? Мадам, вы есть законная добыча человека, дар природы, предмет для ухи и заливного. Пускать слезу, изображать разумность вам не положено, поскольку это наши, человечьи функции.

Он пробурчал все это, сел, прислонился спиной к рыбьему брюху и посмотрел на камыши. По обе стороны щели стояло пять собак. Человек ощерился и погрозил им кулаком.

– Шакалья свора! А ну, пошли отсюда!

Черный пес впереди стаи оскалился, прынул вперед.

По телу исполина за спиною Косенка пробежала дрожь, над головою зашелестели челюсти и выдохнули хриплую, мучительно скрипящую мольбу:

– Отф-ф-фус-с-сти-и-и...

Содрогнувшись, Александр Кузьмич, херр-мистер-сэрдон Косенок, отшатнулся скрюченными телесами от холодной плоти, в панике развернулся, словно ужаленный, процедил сквозь стиснутые потрясением и страхом челюсти:

– Ты что-то сказала?.. Или показалось?

Гигантская, блестящая под лунным светом голова молчала, залитый влагой бирюзовый глаз смотрел на Косенка страдающе, с мольбою. Она жгла, опаляла остатки не до конца исчезнувшей жалости в человеке. Но прагматизм, матерый, сцементировавший его нутро уже давным-давно, подхалимажно, адвокатски вынес вердикт услышанному, или показавшемуся, считая, отсекая жалость: *«От этой сучьей степи поехали мозги?! Предназначение плотвы, лещей и сазанов – насытить брюхо царя природы, а не дублировать его, изображая разум. Куда делся Матвей?»*

Он приложил ко рту ладони и заорал, раздавливая и круша в себе всю оторопь и пережитый ужас:

– Матве-е-ей! Ты где там загулял?

Но ночь молчала. За лунной световой окружностью, в центре которой блестела глыба джипа с Лобастой и Косенком, стремительно сгущалась мгла.

«Ладно. Пора сооружать костер, заваривать уху. А этот субчик явится на все готовое. Но рыбу следует прибрать на крышу: у камышей голодные собаки».

Он взобрался наверх, на багажник. Стал на колени, согнулся, уцепил добычу двумя ладонями под жаберные крышки, запустив ладони глубоко в рыхло-холодную жаберную бахрому. Готовясь к тягловому усилию перед рывком, несколько раз шумно выдохнул в рыбью пасть и стиснул пальцы.

Мощный толчок в челюсть швырнул его назад, сбросил с багажника. Ударившись о землю боком, он застонал от боли в ребрах, в челюсти, вскочил. Рыба лежала поперек багажника. Эта акула в своей конвульсии сама запрыгнула на машину. Мерси вам, гранд-кикимора, избавившая от надрыва!

Он, потирая ноющую челюсть, ухмыльнулся, итожа результат: пока все шло как надо. И развернуть рыбину вдоль машины было делом плевым. Разворот дался легко, облепленная слизью туша скользила по металлу, как по маслу. Но где Матвей?

– Матве-е-ей! – вновь закричал он, глядя тарелочную чешую на рыбе, изнывая в нетерпеливом ожидании пира за ухой и водочкой.

Спустя секунды почувствовал, что цепенеет спина. Резко развернулся. Его окружили собаки. Они стояли в пяти шагах полукольцом, тощие, напрягшиеся перед броском, с голодным блеском в глазах, – та стая, которую он породил своим «ХОЧУ». Свет, заливавший степь, беспощадно

высветил их худобу. Впереди стаи ерзал лапами рослый черный кобель, тот самый призрак у камышовой щели.

Не отводя глаз от своры, Косенок завел руку за спину, коснулся ручки на двери и тотчас вспомнил, что она заперта. Он сам запер ее, исключил из той жестокой игры, которую навязывала степь – Природа.

Терпение псов было на пределе, это чувствовалось по оскалам, по дрожи напряженных тел, по злобному напору вожделения, которое ожгло человека.

Косенок сделал скользящий шажок вправо, к капоту: железный барьер был там ниже и позволял сделать скачок назад спиной, на спасительное железо, с последующим прыжком на крышу.

Его поразили зрачки собак. Они не потянулись за человеком и не сдвинулись, выпустив его из вида. Собачий взгляд притягивало место, где он стоял, они смотрели снизу вверх. И Косенок с неистово вспыхнувшей надеждой понял, что не он предмет их лютого вожделения... а РЫБА!

Он сделал еще шаг вбок, к капоту. Лишь мимолетное нетерпение полоснуло из собачьих глаз – проваливай! Он им мешал, оттягивал предстоящий пир. Вот оно что...

Но... по какому праву? Право сожрать добычу присвоила себе та грязная свора, которую он запустил вместо волков в эту... «собачью» степь!

В нем просыпался горячий, свинцово-плотный сгусток величия, который так свирепо смыли та заводь и нападение монстра, обвисшего на крыше. И этот сгусток все накалялся, выпаривая, выжигая все закоулки, где жалко и постыдно дрожало желе страха.

В нем вздыбился и оцетинил вековую шерсть Хозяин своры, забывшей свое место, Хозяин, в ком бурлила, клототала спесь и сила, которые вкачал и впрессовал в него ощеренный, клыкастый Запад.

Косенок скосил глаза. Кулак, взбугрившийся синевой костяшек, сжимал массивный ремень с тяжелой медной бляхой.

И, раздувая на шее жилы, он заорал псам ненавистно, грозно:

– А ну, пошли вон, сучье племя!

Взмахнул ремнем, прыгнул вперед и хрястнул бляхой по собачьему хребту. Стая отпрянула с истошным визгом и бросилась скопом на человека. И человек, Хозяин с железной машиной за спиной, бил пряжкой, кулаком, ногами в белесо-костяные молнии зубов перед собой, бил в месиво собачьих тел с неизведанной доселе яростью.

Длилось это вечность. Когда совсем исчез из степи воздух, а человеческое сердце вырвалось из груди, взламывая ребра изнутри, – свора распалась, как и тогда, когда извела когтей медведя-шатуна.

Стая, передыхая, пока что окружала бок машины, распятую на ее блестящем фоне фигурку человека. И его плоть под рванью брюк, рубахи, испещренная красными мазками от укусов, еще держалась на ногах. Плескавшаяся в человеческих глазах раскаленная воля ломала, гнула решимость стаи, и ни один из псов не мог смотреть в них. Уже не человек, а эта его плоть победно прохрипела:

– Ну, взяли, ш-ш-шакалье?! Что, захотели рыбки? Я сам ее хочу! И жить буду, ибо хочу! Кукушка дохлая мне в жизни отказала... жадюга, неудачница, не знала про мое «ХОЧУ»!

Качнулась и осела, хрястнула продавленной жестью машина за его спиной, приняв на себя грузную тяжесть. Свирепо взъярилась собачья стая, разноголосо взвыла, глядя вверх Косенка. И, не имея сил всем телом повернуться, он выстонал счастливо, потрясенно:

– Матвей... ты где шлялся, сукин сын?!

И, набираясь сил, наращивая и срывая голос, продолжил человек ликующе-орущий гимн явлению Матвея:

– Явился! Палку прихватил?! Давай, прыгай ко мне, они уже не сунутся!

Изнывая в ожидании, скрученный напряжением перед беснующимися псами, все ловил Косенок момент, чтобы оглянуться и подтвердить для себя присутствие Матвея.

Он уже почти поймал его, когда темная шерстяная молния – медвежья лапа – мелькнув в ударе, оторвала ему голову.

Ударив надоедливо орущий, маячащий внизу кругляш, медведь, оседлавший Лобастую, впился в рыбий хребет. Удерживая бьющуюся тушу под собой, он рвал когтями и клыками ее плоть, отдаваясь свирепому восторгу насыщения.

Вокруг машины завистливо ревела, клубилась в сумбурном хаосе стая.